

АЙЛИН ЛИН
НОЭЛЬ ЛАМАР

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА НАСТАСЬЯ

Айлин Лин

Великая княжна Настасья

«Автор»

2024

Лин А.

Великая княжна Настасья / А. Лин — «Автор», 2024

Во время очередного сбора реконструкторов я погибла. И очнулась в теле княжны Настасьи в веке так десятом. Вокруг глухой лес, в избушке лежит полуживой богатырь. Из всей княжеской семьи одна Настя, в теле которой отныне поселилась моя душа, осталась в живых. И теперь только от меня зависит благополучие народа. Я могу притвориться потерявшей память и отказаться от власти, или принять иное решение... Вас ждёт: *Сильная, адекватная героиня и великолепный главный герой* Попаданка в чужое тело в Древнюю Русь *Прогрессорство и обустройство в новом мире* Приключения и любовь

© Лин А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ноэль Ламар, Айлин Лин

Великая княжна Настасья

Пролог

Пролог

Ветер, расви́репешший не на шутку, метался в полночном небе, в ярости раскидывая свинцовые тучи по небосклону; накрапывал мелкий колючий дождь; деревья стонали от порывов урагана, гнулись к земле, швыряя последнюю листву на землю, а вековые сосны сыпали градом иголок, словно мелкими копьями. Страшная ночь, когда и собаки прячутся в конуре, прижав от страха уши и скаля зубы на неведомую опасность.

Изрытая конскими копытами лесная земля сочилась влагой. Совсем недавно промчались тут злобным осиным роем чужаки, загонявшие людей словно дикого зверя, не щадя ни детей, ни женщин. Смертельной угрозой проникали они к городам русичей, надеясь на богатую поживу. Так и в этот раз, пробираясь лесами да околотками, чтобы не попасть на глаза княжеским дозорным, неслись воины через бурелом, не боясь переломать ноги лошадям. Молча и страшно, без единого звука, словно ожившие кошмары. Неслышно было воинственных кличей, хоронились недруги в лесных тенях, укрывались тёмной полночью. Скоро уже покажется приграничный город – Вежа, где на всех хватит богатой добычи и каждому достанется по доброму рабу, похвалит хан своих нукеров за добытые трофеи.

В низенькой землянке, что скрылась в густом лесу, на границе непроходимого соснового леса, сидела на полу старая ведунья, прижимая к себе растерзанное, в кровоподтёках тело девочки. Она баюкала мёртвую, словно родное дитя, глаза старухи были сухими, лишь глухие рыдания сотрясали её тощую, костлявую грудь. Одежда на ней была разорвана, руки и лицо покрывали синяки и ссадины. Вырвавшись из забытья, старуха бережно положила тело девочки на землю и, поправив на ней лохмотья, оставшиеся от платья, на негнущихся ногах доковыляла до стола. Схватив старый иззубренный нож, опустилась на колени. Расчистив от мелкого мусора пятак земли перед собой, ведунья, сжав зубы, полоснула вдоль запястья холодным лезвием кинжала. Кровь, словно нехотя, лениво наливаясь багряными каплями, показалась из раны.

Отшвырнув нож, старуха подняла безумные глаза к потолку жилища:

– Морана! Внемли мне! – голос ведуньи напоминал вой раненого зверя, нагнувшись к земле, она, то шептала, то кричала слова заклинания, прочерчивая своей кровью на полу древние руны отмщения и смерти. Её шатало от изнеможения, но рука оставалась тверда, лишь когда последний знак занял своё место, всё тело старухи сотрясла дрожь, и она без сил опустилась на землю, прижимая окровавленную ладонь к рунам:

– Написано кровью, скреплено кровью... – бормотала старуха, накрывая рукой древние знаки. Жизнь по капле покидала её тело, из последних сил перевела она взгляд на свою воспитанницу: лицо девушки было спокойно, невидящим взором смотрела она в вечность туда, куда ушла её душа. – Пошли воина, что спасёт люд простой, убережёт детей, матерей их и стариков...

В этот миг содрогнулся мир, по лесу прокатился глухой стон, деревья закричали, роняя сучья на землю, по округе пронёсся волчий вой.

– Улышалась, – улыбнулась одними губами старуха. Она конвульсивно вздрогнула, её взгляд затуманился, рот застыл, до остатней минуты шепчущий слова проклятий. С последним вздохом прикрыла она глаза, большая капля крови застыла на изрезанном запястье.

Воевода Могута Мстиславович

По лесу, нехоженными звериными тропами, ехал всадник. Его широкогрудый конь мягко переставлял копыта в прелой листве, не издавая ни звука. Словно понимал, что нужно сберечь хозяина и его драгоценную ношу от чужаков.

Могучий воин был в железной кольчуге, опоясанный кожаным широким поясом, с притороченным к нему мечом, что не каждый воин сможет поднять. Голову его покрывал шлем с бармицей (*прим. автора – кольчужная сетка, защищающая шею*), которая закрывала рано поседевшие волосы богатыря. Одной рукой мужчина прижимал к себе девушку, закутанную в широкий, подбитый мехом плащ воеводы. Она была без сознания, волосы плотно, словно ранняя седина, покрывал пепел, толстая коса, выбившись из-под плаща, опускалась на седло. Закрытые веки, обрамлённые густыми ресницами, едва заметно подрагивали, дыхание было прерывистым.

– Терпи, Настенька, – шептал Могута Мстиславович, княжеский воевода, – скоро доберёмся.

Дыхание воина было тяжёлым, из-под кольчуги широкой алой лентой на руку лилась кровь, воевода давно научился не обращать внимания на боль, но силы постепенно покидали воина, он боялся не довезти свою драгоценную ношу – княжну Настасью, единственное оставшееся в живых дитя их правителя.

Могута, одними ему знакомыми с детства тропами, пробирался к избушке лесной ворожеи Жели, что с незапамятных времён жила в глухой чащобе.

Ведунью в городе знали и уважали, но по пустякам не обращались, ведь сварливая старуха могла и прогнать с таким напутствием, что незадачливый проситель неделю животом маялся. Не любила она, когда тревожили её покой по пустякам, однако в серьёзных случаях никогда не отказывала. Доводилось, к ней привозили тяжело раненых гридней (*прим. автора – воин княжеской дружины*) князя и вырывала лесная ведьма воинов из лап смерти. Так спасла она и свою воспитанницу Аксинью, когда нашла её маленьким комочком на руках у замёрзшей, мёртвой матери. Откуда пришла та девушка, никто не знал, как добралась по лесным сугробам до одинокой землянки, тоже. Наутро обнаружила их Желя, посиневшая мать сжимала в одеревеневших руках крохотную новорождённую девочку, которая уже не плакала и не открывала глаз. Каким-то чудом отмолила старуха дитя, и маленькая Аксинья не только выжила, но и стала для ворожеи любимой воспитанницей и помощницей. С пяти лет без страха бегала она по всему лесу в поисках трав, что наказала собрать бабушка, и вот диво – звери не трогали своих соседок. Поговаривали, что заключила старая Желя договор с самим Лесным хозяином. Правда или нет, но и в самые голодные зимы, когда волки нападали даже на деревни, вырезая скот, обходило зверьё стороной лишь старую землянку, не чинило зла ни ведьме, ни её найдёнышу.

Сколько лет лесной ведунье никто не знал, вспоминал Могута, как ребёнком, увязавшись за братьями, ходил в чащобу, уже тогда она была стара. Задубевшая кожа напоминала древесную кору, худая, словно палка, руки точно сучья, простоволосая, седая, она до икоты пугала мальчишку своим видом, если встречалась на пути.

Очнувшись от раздумий, воин взгляделся в одному ему ведомые ориентиры, вот засохшая сосна рядом с кряжистым дубом, значит, скоро едва заметная тропка выведет их на знакомую полянку, где стояла землянка ведуньи.

Голова воеводы кружилась, скрипя зубами, он из последних сил держался в седле. Надо идти, во что бы то ни стало Настенька должна жить.

Налёт начался внезапно, впрочем, кочевники всегда действовали исподтишка, хоронясь в лесах и оврагах. Князя Братислава Велерадовича в городе тогда не было: он со своими самыми славными воинами отправился на охоту, ожидали их на вечерней заре. Не поспела дружина на

защиту... И вот запели первые стрелы печенегов, сшибающие дозорных со стен и словно по мановению невидимой руки хлынула чёрная орда на город, карабкаясь на высокие стены.

Бывалые воины не растерялись, сколько таких набегов пережила старая Вежа, никто и не помнил, пограничный город был лакомым кусочком для степняков, давно точили они зубы на богатое поселение. Вот раздались первые испуганные крики женщин, и уже воевода выводил на защиту своих гриден.

Битва была яростной, напав с двух сторон, ордынцам удалось прорвать оборону, лавиной хлынув в город, недруги чёрными смертоносными волнами всё прибывали и пребывали и из недалёкого леса, где хоронились, ожидая отъезда князя.

Воевода был у главных ворот, сражаясь наравне со своими воинами, когда услышал крики, а затем и увидел зарево пожара, охватившего детинец (*прим. автора – внутренняя городская крепость*), прорубаясь через неприятелей, удалось ему прорваться к княжеским палатам. Едва переступив порог, Могута увидел молодых княжичей и воинов, охранявших крепость, все они были мертвы. Нахлынув, ордынцы бешеным наскоком прорвались в цитадель, также молниеносно отступив, не щадя никого на своём пути. Вокруг были тела сенных девушек и седых старух, многочисленной дворни, но воевода искал среди них княжну, надеясь, что умнице Настасье удалось схорониться от врагов. Сколько раз он сам учил её в случае опасности не лезть на рожон, а прятаться в местах неприметных.

Старый воин надеялся, что княжна усвоила его уроки и не ошибся: рыская по разграбленной крепости в зареве разгорающегося пожара он узрел, что заслонка в одной из печей приставлена не так плотно. Заглянув в широкое поддувало, нашёл там бездыханную девочку. Настасья не была ранена, но надышалась печным угаром. Завернув её в свой плащ, воевода услышал горн приближавшейся княжеской дружины, выходит, город спасён, Братислав сумеет отогнать врага от Вежи.

Но медлить было нельзя, Могута прислушался к прерывистому дыханию отроковицы (*прим. автора: девочка-подросток*), решил сам взять её к лесной ведьме. С помощью верных воинов удалось ему покинуть город через вторые ворота и, свернув на едва заметную в высокой сухой траве тропку, добраться до леса.

Выехав на знакомую поляну, воевода прислушался, недоброе предчувствие сжало сердце. Спешившись и удобней подхватив княжну, Могута, с трудом переставляя ноги, подошёл к хижине. Кругом царила тишина, над крышей не курился дымок старой печурки, жалобно поскрипывая стонала на ветру распахнутая дверь. Пнув её ногой, воин ввалился внутрь. На полу лежала бездыханная хозяйка и её воспитанница, тела женщин усеивали кровоподтёки, губы Жели были разбиты, лицо Аксиньи покрывали синяки.

– Вот оно что... – с горечью сам себе сказал воевода, – не уберёг вас Лесной хозяин и сюда добрались степняки...

Отчаяние заполонило душу старого воина, но ехать назад в город сил уже не было, положив свою драгоценную ношу на широкую, грубо сколоченную лавку, он, тяжело опираясь, осел на пол. Перед глазами заплясали чёрные мошки, руки и ноги онемели, плоть (*прим. автора: тело*) перестала слушаться. Силясь подняться, Могута опёрся дланями о землю, и тут резкая боль от раны пронзила его насквозь и воевода, глухо застонав, упал на пол, провалившись в небытие.

Прим. автора:

Все персонажи и события книги вымышлены и не имеют ничего общего с историческими личностями, датами и фактами.

Древнеславянская речь адаптирована к современному русскому языку, чтобы не затруднять восприятие происходящего в романе.

Глава 1

Глава 1

Мутной пеленой перед глазами брезжил тусклый свет из оконца. В горле нещадно першило – каждый вздох обжигал бронхи. Губы спеклись и потрескались, кожа горела, словно опалённая.

«Что происходит?» – мелькнуло в голове.

Последнее воспоминание: мы с друзьями, такими же фанатами-реконструкторами, как и я, были на «княжеской охоте», которую устроил для нас Влад. Вот вместе проезжаем через редкий подлесок, среди голых, скинувших последнюю листву деревьев, потом резкая боль в шее и темнота.

Я ощупала горло, ни царапины. Глаза нестерпимо жгло. Кое-как разлепив веки, огляделась. Что за ерунда? Где друзья отыскиали эту хибару? Передо мной виднелись закопчённые стены, вдоль которых висели пучки сушёных трав. Надо подняться, скорее всего, наша компания где-то неподалёку, не могли же они бросить меня одну!

Спина затекла от долгого лежания на жёсткой лавке, тело не слушалось. Застонав от боли, попыталась встать, безуспешно. Руки и ноги были словно ватными, к тому же волнами начала накатывать тошнота. Ещё попытка. С трудом удалось повернуться на бок и наконец разлепить тяжёлые веки.

Увиденное повергло меня в шок!..

На полу лежало три человека. Косматая худая старуха, с изрезанной рукой и разбитым лицом, девочка лет двенадцати в разорванном платье, вся в синяках и запёкшейся крови и здоровенный мужик, который замер прямо возле лавки. На нём красовался полный воинский доспех, но лицо мне было совершенно не знакомо. Впрочем, муть, что так и не рассеялась перед глазами, не давала рассмотреть детали. Что за бред? Или это галлюцинации?

Немного отдышавшись, всё-таки сумела приподняться, чтобы тут же упасть обратно, голову прошило такой болью, что невольно вскрикнула и повалилась навзничь. Темнота заботливо укутала меня своим покрывалом, померкли звуки, и я осталась в блаженной чёрной пустоте.

Сколько прошло времени после моей отключки? Постепенно сознание обрело ясность, до слуха донеслось какое-то движение. Стиснув зубы, рывком села на лавке, едва сдержав крик боли. Картина была всё та же. Где все? Может, они на улице? Тогда что делают эти трое на полу? Продолжают играть какую-то им одну известную роль? Принюхавшись, почувствовала сладко-гнилостный запах разложения. Мне всё это определённо не нравится...

Встать не получалось, ноги были словно не мои. Я с трудом соскользнула с лавки и на четвереньках, опираясь на ладони, поползла к двери. Возле порога села, облокотившись на стену и, чуток отдышавшись, с трудом приоткрыла низенькую массивную дверь.

Дом был окружён глухой лесной полосой, исполинские деревья угрюмо наклонились над небольшой полянкой, простирая голые ветви над самой крышей. Злой холодный ветер швырнул мне в лицо пригоршню опавшей листвы, запорошив глаза мелким сором. Солнечные тускло-алые лучи едва пробивались через густую поросль, похоже, уже закат. В зарослях кустарника слышались неясные шорохи. Это точно не тот лес, куда мы отправились с друзьями, это тайга какая-то! Но как меня сюда занесло? Додумать мне не дали: из-за деревьев послышалось глухое утробное рычание. Я не стала дожидаться, пока зверь покажется на поляне, и с силой захлопнула дверь. Изнутри на ней был железный широкий засов, поднявшись на колени и навалившись всем телом, мне удалось его задвинуть. От резких движений в глазах потемнело, прислонившись лбом к шероховатой древесине, дала себе мгновение, чтобы отдышаться, а после медленно села на пол.

Во рту пустыня, отчаянно хотелось пить! Жажда буквально взяла за горло своими острыми царапающими когтями. Не знаю, сколько я так просидела в оцепенении, разглядывая распростёршиеся тела и думая о чём-то, мысли так и скользили, надолго не задерживаясь в уставшем сознании...

В углу за небольшой печуркой послышался неясный шорох. Очнувшись от забытья, придерживаясь рукой о стену, поднялась на ноги. Страх противным ядом проникал во все клетки тела, заставляя сердце скакать бешеным галопом. Каждый шаг давался с трудом, колени дрожали. Я добрела, стараясь не споткнуться о тела, до печки и подняла с пола увесистое полено. А затем, осторожно, буквально по сантиметру, двинулась к тёмному углу. Затаив дыхание, заглянула за печь.

Прижавшись к стенке, на меня ошалело смотрела маленькая козочка. Животное, как и я, дрожало всем телом.

Я с шумом облегчённо выдохнула. Рогатая принюхалась, а после, недолго думая, сделала ко мне шагжок, потянувшись к моей руке губами, при этом натянув до упора верёвку, привязанную другим концом за крюк, вбитый в стену. Облокотившись о печь, я перевела дыхание.

Что, в конце концов, происходит?!

Паника снова, в который раз за всё время, накатила жаркой, удушливой волной. Меня затрясло, как в лихорадке. Мысли спутанным роем носились в голове. Немного отдышавшись, подошла к старухе: тело её заковано, по всей видимости, она мертва уже давно. Прикасаться к покойнице было страшно, но что оставалось делать? Осмотрела девочку, то же самое. Трупные пятна растеклись безобразными кляксами по телу, её глаза, затянутые белёсой пеленой, были открыты, отчего по моей спине побежали противные мурашки ужаса. Мелкие волоски на затылке от страха встали дыбом. Подавив рвотный позыв, заставила себя подойти к мужчине.

Дышит! Богатырь точно был жив!

Несмотря на потрясение, на душе стало спокойней, хоть кто-то живой! Но сердце незнакомца едва билось; склонившись к лицу, прислушалась, дыхание было слабым, на шее тревожно пульсировала жилка.

Не знаю, где я, но что-то надо делать, пока в доме не стало ещё на одного покойника больше.

Оглянувшись, обнаружила на столе какое-то деревянное ведро с водой, рядом стоял ковш. Напившись и кое-как умывшись, я снова посмотрела на мертвецов. В этот раз задумчиво. Определённо их надо убрать, пока смрад разложения не заполонил всю избушку.

– Так, сейчас открою дверь и быстро вытащу их наружу, – звук собственного осипшего голоса насторожил, слова с трудом продирались наружу, словно не я говорила, а кто-то другой, но даже так разрывая полог тишины, стало чуточку спокойнее, а на странности пока решила не обращать внимания, иначе, боюсь, просто сойду с ума, – простите меня, но похоронить вас как положено, не получится.

В голове мелькнула мысль, а что, если это какая-то подстава? Вот сейчас нагрянет полиция и скрутит меня за такую «тёплую» компашку из двух покойниц. Как этот бред объяснить следователю? А если с друзьями случилась беда? Не могла же вся наша бравая ватага оставить меня одну, значит, и с остальными дела плохи. Тогда, где их искать? В какую чашу меня заволокли? В голове проплывали образы бандитских разборок со случайными свидетелями, хотя уже вовсе не девчоностые, да и что забыли братки в лесу, далеко от города, возле забытой Богом деревни. Получается какая-то бессмыслица. Пойти поискать друзей в чаше? Вспомнив грозное рычание неведомого зверя, я сразу отказалась от этой затеи. Была не была, вытащу покойниц из избушки и проверю богатыря, может, удастся привести его в чувство?

Сначала взялась за девочку – она была ближе к двери. Отодвинув тяжёлый засов, распахнула створку и выглянула на улицу. Тихо. Надеюсь, звери разбежались. Подхватив мёртвое тело под мышки, поволокла его в сторону выхода. Девочка весила совсем немного, быстро

управившись со своей ношей, вернулась за старухой. Несмотря на худобу, покойница была тяжёлой, она постоянно срывалась у меня из рук с глухим стуком падая на пол, отчего по моему телу волнами поднимался липкий, мерзкий страх. Тошнота, немного отступившая, нахлынула с новой силой. В очередной раз, схватив старуху за окоченевшие, словно деревянные, холодные ноги, я рывком выволокла её на улицу. Положив тела сбоку у стены дома, присыпала их опавшей листвой. Не бог весть, какая могила, но лучше, чем совсем ничего.

С содроганием оглянувшись на потемневший лес, поспешила в дом...

Глава 2

Теперь следует заняться мужиком. Осторожно перевернув его на спину, прислушалась к дыханию. Ещё жив. Сняла шлем и аккуратно осмотрела голову, ран не видно, уже хорошо. Волосы воина были седыми, только тёмно-русая густая борода, где запутались белые прядки, говорила о былом цвете волос. Лицо покрыто мелкими белёсыми полосками старых шрамов, от крыльев носа к уголкам рта тянулись глубокие морщины.

Надо снять кольчугу, присмотревшись, поняла, что это не работа наших мастеров. Да и вообще на современное обмундирование, которым пользовались все реконструкторы, не похоже. Доспех был собран из грубо отделанных железных колец, а мы носили броню из нержавеющей стали, кто-то в целях экономии вообще предпочитал пластик, окрашенный в серебристый цвет.

Расстегнув широкий кожаный пояс, постаралась повернуть бородача на бок, кольчуга обычно затягивалась шнуровкой сзади. Так и есть, нащупала кожаные тонкие ремешки. Затянуты они были так плотно, что развязать их, как ни старалась, я не смогла. Сняв с пояса кинжал, осторожно, чтобы не поранить воина, срезала шнуровку. Делать это приходилось, держа тело почти на весу, когда была срезана последняя петелька, по лбу градом катился пот. До чего же тяжёлый! Исполинского роста, с могучими, широкими плечами, воин был просто огромным. А что будет, когда незнакомец очнётся? Он же меня одной левой сгребёт и места живого не оставит. Я против него, как муравей против слона. Может, и не надо его спасать? Кто знает, что у него в голове?

Судорожно сглотнув, продолжила осмотр, не по-человечески это людей в беде бросать. Пусть очнётся, а там разберёмся.

Стянув в несколько заходов через голову жутко тяжёлый доспех, увидела бурое пятно засохшей крови, тянувшееся от плеча по рукаву и груди грубой рубахи. Снимать ещё и одежду сил не было, раскромсав ворот, обнаружила вторую рубаху из тонкого льна. Не церемонясь, срезала всю одежду. На плече у богатыря зияла рваная рана, неглубокая, но крови он потерял много, если судить по его состоянию. К тому же налицо было воспаление, так он если не от потери крови, то от заражения точно помрёт.

– Спокойно, Анастасия, сейчас что-нибудь придумаем, – свой голос успокаивал, создавая иллюзию того, что я не совсем одна в этом жутком месте, – надо промыть рану и как-нибудь обработать. Поищем, возможно, здесь есть аптечка?

Оглядела скудную обстановку маленького домика. Лавка, колченогий низенький стол, под окном крупный длинный сундук, на одной из стен была полка, заваленная каким-то хламом. Небольшая, но высокая печь сверху заставлена горшками и деревянными мисками. Негусто. Вся утварь была какая-то грубая, словно её на коленке мастерили. Я понимаю, что реконструкторы старались приблизить условия быта к искомой древности, но не до такой же степени! Кто построил в лесу эту странную избушку?

В углу жалобно заблеяла козочка. Животинку же не поили, наверное, да и корма у неё не видать. Налив в ковш воды, подала козе. Та жадно припала к живительной влаге, забыв, как дышать, напилась, шумно всхрапнула, и благодарно затрясла головой.

– А вот с едой придётся подождать, не знаю, чем кормила тебя хозяйка, да только сейчас ничего нет, а на улицу я не пойду, – пообщавшись с козой, вернулась к раненому.

– Итак, вояка, что нам с тобой делать? – задала сама себе вопрос, ответа на которого не знала.

Оглянулась по сторонам, в избе уже сильно потемнело, свечей я не нашла. Надо растопить печь. Да и мороз уже изрядно пробирал через мою лёгкую рубашку с сарафаном.

Сарафаном?!

Впервые после того, как я очнулась, обратила внимание на свой вид. На ногах были сапожки из тончайшей дивно выделанной кожи, под сарафаном длинная рубаша с богатой вышивкой. Весь левый бок густо измазан сажей и даже, кажется, кое-где одежда подпалена. Меня ещё и переодели? Но кто и что за странный костюм? Почему он такой грязный?

Ощупала голову, сзади вдоль спины спускалась коса толщиной с мою руку и длиной до самых колен. Что за чертовщина? И тут мой взгляд упал на руки, девичьи, с длинными пальцами и тонкими запястьями. Ощупала тело: хрупкое, можно сказать подростковое.

Я была нормальной женщиной, сорока двух лет, не худосочной, с подтянутой спортивной фигурой и короткой стрижкой. Руки не заживали от многочисленных мелких порезов, из-за моей работы мастером-оружейником.

А здесь какая-то девочка...

В голове всё поплыло, мозг отказывался воспринимать увиденное.

Почему сразу не заметила столь глобальные перемены в себе же? Мозг берёт меня, чтобы с катушек не съехала?

С силой тряхнув головой, взяла себя в руки.

Надо заняться раненым, пока я тут собой «любуюсь», ему точно хуже станет. Появилась некая цель, и я ухватилась за неё, как утопающий за соломинку. Необходимо спасти незнакомца! Со всем остальным разберусь позже.

Последние лучики солнца медленно таяли за маленьким оконцем, посему стоит развести огонь, какое-никакое, а всё-таки освещение. Подошла к печке: на полу лежали дрова и сухой хворост, только чем всё это поджечь?

Пошарив по выступам, нашла мешочек с какой-то железякой и камнем, похожее на огниво. Мужчины на наших исторических сходках иногда пользовались такими штуками, разжигая костёр, так сказать, для антуража. Чиркнула камнем по железке, брызнул снопик искорок, так и есть, это кресало и кремь. Теперь надо найти материал для розжига. Пошарив среди хвороста, отыскала немного сухого мха. Содрала с веток кору, хорошенько её распушила и положила вместе с кусочком мха в печь. Да, выглядело это куда легче со стороны. Сколько я ни долбала по железке, огонь разгораться не спешил, хотя искры летели во все стороны. У меня уже сводило руки. Немного передохнув, вновь взялась за дело. Нервы были на пределе, я с остервенением молотила камнем по кресалу. Наконец, небеса сжалились надо мной, из мха показалась тонкая струйка дыма и выглянули первые робкие лепестки огня. Аккуратно, боясь даже дышать, разожгла несколько веточек, когда они вспыхнули, добавила ещё хвороста и потом положила пару поленьев. Вот же морока, неужели спичек нельзя было оставить?

Печка была странной, без плиты, но с широкой топкой, которая закрывалась железной заслонкой. Придётся воду греть напрямиком на углях, внутри.

Отыскав чугунный горшок, набрала немного воды и сунула его в огонь. Руки опалило. Да что за напасть?! Как со всем этим управляться?

Налила немного воды в деревянную чашку и, отыскав в сундуке с кучей тряпья, кусочек более-менее чистой ткани, принялась осторожно промывать воспалённую рану мужчины. Он слабо зашевелился и тихо застонал. Не знаю, обрадовало меня это или нет. Вроде и хорошо, а только страшно.

На полке отыскала прочную верёвку и на всякий случай связала воину руки. Помощь помощью, но надо позаботиться и о собственной безопасности.

Вскоре над горшком показался пар, пошарив за печкой, нашла самый настоящий ухват, как на картинках из сказок с Бабой-ягой.

Итак, вспомним, какие травы и отчего помогают. Мои знания из этой области были далеки от углубленных, но кое-что я всё же знала.

Обнюхав каждый пучок, отыскала знакомую крапиву, ромашку и подорожник.

Первое, если верить моей бабушке, может перенести женский цикл на денёк-другой, крапива прекрасно останавливает любые кровотечения.

Второе и третье замечательное противовоспалительное и антисептическое, а подорожник ещё и болеутоляющее.

Положив драгоценные находки на лавку, вернулась к очагу и осторожно достала из него чугунок, перелила воду в чашку и засыпала по трети от каждого пучка в кипяток. Пока отвар настаивался, вернулась к больному. Посмотрела в измождённое лицо и тихо проговорила:

– Прости, незнакомец, только помереть я тебе не дам, хватит с меня на сегодня трупов.

Пару минут спустя, с чашей наперевес, под села к богатырю, руки мои подрагивали, но я решила завершить задуманное, аккуратно отодвинула края одежды и, смочив относительно чистую тряпицу, начала промывать воспалённую рану.

Мужчина один раз дёрнулся, но так и не проснулся.

Закончив с этим делом, подумала: была бы игла да нитки, зашила бы, оставив место для дренажа, но чего нет, того нет. Следом возникла мысль, что надобно запечатать прореху в теле незнакомца. Взор снова уткнулся в пучки трав. И я, недолго думая, засунула горсть крапивных листьев с подорожником в рот и принялась тщательно пережёвывать. Когда смесь стала нужной консистенции, «прилепила» её к ране и туго перебинтовала широкой лентой ткани, оторванной от какой-то хламиды добытой из того же сундука. Намочив тряпицу в остатках настойки, протёрла губы мужчины, выжала несколько капель в рот. Напоить его надо бы, но сейчас сойдёт и так.

Дыхание старого воина выровнялось лишь четверть часа спустя и стало глубоким, размеренным. Переложить бы больного на лавку, не валяться же ему на земляном полу. Но... Легко сказать! Я обошла богатыря кругом, не зная, с какой стороны к нему подступиться. Попробовала аккуратно подтянуть за плечи и, чуть не надорвавшись, всё же посадила воина, но на этом мои силы иссякли. Тяжёлый, как буйвол, он был совершенно неподъёмным. К тому же каждое движение причиняло ему боль, мужчина глухо стонал, не выходя из забытья.

В конце концов, плюнув на неблагоприятное занятие, подстелила плащ, подбитый изнутри мехом под бок воина, и осторожно перекатила его назад на пол. Очухается, сам переползёт на лавку, мне с таким бугаем не справиться.

Присела на сундук, чтобы немного отдышаться. Тело ломило, руки и ноги дрожали от слабости, в голове мерной пульсацией расплывалась боль. За окном совсем стемнело, поднялся ветер, стонали старые деревья, с шорохом носилась по земле сухая листва, словно чьи-то осторожные шаги. Мне стало жутко, оглянувшись на задвинутый засов, немного успокоилась. Из леса раздавались крики ночных птиц. В таком месте надо фильм ужасов снимать, мозг сразу же услужливо нарисовал мне самые страшные картины, виденные мною в кино. От эмоционального жуткого напряжения зазнобило. Против воли я продолжала прислушиваться к звукам леса, и уловила-таки какое-то движение. Кто-то крался вдоль стены, замирая и опять приближаясь. Намерения пришельцев лежали на поверхности: их интересовали лежавшие под окном тела покойниц.

По хребту поползли холодные иголки, в горле пересохло. Я скользнула по стене вниз, боясь, что пришедшие заметят мой силуэт.

Шорохи усилились, кто-то утробно и негромко зарычал, но и секунды не прошло, как ночную тишину разорвали визги и шумная возня: звери терзали тела женщин, огрызаясь друг на друга.

На меня накатила дурнота, метнувшись в закуток за печью, притиснулась к козе. Прижавшись лбом к грязной свалывшейся шерсти, слушала биение сердца животного, и паника понемногу отступила, сменяясь нервным оцепенением. Шум за окном не стихал, слышался хруст выдираемых из тел костей, порывки зверей. К двери подобрался один из стаи, засов брякнул под нажимом, послышались скребущие звуки, хищник пытался проникнуть внутрь. Зажав

рот ладонями, сдерживала крик. Сознание меркло от накатившей паники, но я из последних сил старалась не лишиться чувств, преодолевая панический трепет. Нервы, как натянутые струны, реагировали на каждый шорох. Вздрагивая всем телом, я сидела на полу, сжавшись в комок, обняв руками колени. Холодный пот градом струился вдоль позвоночника...

Не знаю, сколько я так просидела, но шум за окном постепенно стих. Лес уснул своим беспокойным сном до самого рассвета. Добравшись на четвереньках до лавки, заползла на неё и почти сразу измученный разум провалился в забытье, не выдержав ужасов ночи.

Глава 3

Проснувшись утром, не спешила открыть глаза. Опять окунуться в этот невыносимый кошмар? Я боялась. Просто боялась. Каким богам успела нагрешить, чтобы попасть в эту избушку с покойниками? Лежала и вспоминала своё прошлое. И думала, отчего моя судьба столь круто переменялась в том осеннем лесу?

С детства моя жизнь отличалась от будней сверстниц. Папа-археолог часто, возвращаясь из экспедиций, брал меня на осмотр древностей, что удалось отнять у прошедших времён. Чтобы я смогла всё осмотреть и потрогать ещё до того, как эти вещицы отправлялись в музеи или запасники. Антикварные кольца и серьги, монеты, кувшины, шлемы, кольчуги. Но больше всего мне нравилось старинное оружие. Оно буквально завораживало меня. Затаив дыхание, я рассматривала ножи, мечи, копья, бердыши, пищали. В музеях мы с отцом часами пропадали в залах с огнестрельным оружием. Арбалеты, мушкеты, аркебузы и кулеврины: казалось, каждый предмет хранит свою историю, свою, пусть маленькую, тайну – все они отнимали чью-то жизнь и спасали другую.

Мама, педагог по профессии, не одобряла моего увлечения, считая, что девочке больше подходит шитьё, вязание, на худой конец, плетение из бисера, или кулинарные курсы. Всё то, что может пригодиться мне во взрослой жизни.

По её настоянию после школы я поступила в институт на бухгалтера. Человек, работающий с деньгами, всегда будет обеспечен, так рассудила мама и права выбора у меня не было.

Потом всё пошло своим чередом: работа, муж, сын. Жизнь складывалась так, как надо, мама счастливо вздыхала, глядя на нашу семью. А у меня всё слилось в один сплошной день сурка, где каждые сутки были до приторности похожи на предыдущие.

Работа, пусть и хорошо оплачиваемая, вгоняла в уныние. Бесконечные отчёты и цифры – сплошная тоска.

Когда в тридцать лет я уволилась из своей фирмы и поступила в школу оружейников при заводе, все смотрели на меня как на сумасшедшую, только что не крутили пальцем у виска. Муж долго убеждал вернуться и не рушить карьеру, хотя ни о каком повышении речь не шла, много лет я перебирала бумажки на позиции рядового бухгалтера.

Как ни странно, папа никогда до этого не перечивший маме, встал на мою сторону. Был страшный скандал, в итоге, бухнув по столу кулаком, отец запретил лезть в мою жизнь. Мама долго дулась и не разговаривала с нами почти месяц, но потом смирилась и махнула рукой.

Учёба отнимала много времени, и папа взял на себя все заботы о Егорке. Садики, утренники, походы по врачам, затем школа. И я была очень благодарна ему за поддержку. Однажды, приведя сына из секции по боксу, отец услышал недовольное ворчание моего мужа, прервав его на полуслове, папа сказал, что жизнь, в которой нет мечты, не может быть полноценной и уж коли я выбрала такой путь для себя, то задача семьи, если не помогать, то по меньшей мере не мешать. Больше разговоры о моей профессии не поднимались никогда.

Но не всё было так гладко. Для того чтобы освоить новые навыки требовались инструменты. Профессия мастера-оружейника редкая, все атрибуты для неё – штучный товар, а значит, дорогой. Муж со скрипом выделял деньги, но так до конца и не простил мне того, что я не захотела жить так, как он планировал. С годами появилась стена отчуждения, мы просто существовали как соседи в одной квартире, с каждым днём всё больше отдаляясь друг от друга. В итоге, однажды он забрал вещи, заявив, что у него большая и чистая любовь с женщиной, которая по-настоящему его понимает.

Пожав плечами, помогла ему собраться и без сожаления проводила его из своей квартиры и из своей жизни. Подруги бросились утешать меня, а я была занята новыми техниками и методами возрождения старого оружия. Вскоре армия утешительниц оставила меня в покое,

поняв, что рыдать, обняв ведро с мороженым, попивая вино, я не собиралась, как и жаловаться на подлого изменника. С мужем у нас сохранились вполне дружеские отношения, он не забывал о сыне, всегда помогал и поддерживал его. Все наши обоюдные претензии остались в прошлом, что нас обоих устраивало.

Егорка же часами пропадал со мной в мастерской, которую я обустроила дома. Он, затаив дыхание, следил, как я чищу старые пистолеты или мастерю новую рукоять для кортика.

Трудное, но такое захватывающее ремесло требовало множества знаний и навыков. Баллистика, секреты чистки и ремонта оружия, обработка дерева и металла, чеканка, резьба, гравировка, литъё, инкрустация, канфарение (*прим. автора – техника украшения металлического предмета путём нанесения точек, штрихов или насечек на его поверхность*) и много других сопутствующих технологий и умений. Через несколько лет, освоив тонкости работы с оружием я, помимо диплома, получила Федеральную лицензию на огнестрел и появились первые заказы. Дело ладилось, теперь нередко мне приходилось сотрудничать с музеями и коллекционерами, брала заказы и от частных на гравировку разнообразного колюще-режущего и не только. Дарить именные пистолеты или кинжалы стало модным. Стоила такая работа немало, моё увлечение стало приносить хороший доход.

Я проводила прорву времени в мастерской, изготавливая лекала, занимаясь синением, воронением, гравировкой.

Однажды один мой заказчик познакомил меня с Владом – реконструктором, который увлекался историей Древней Руси. Новый знакомый и сам походил на былинного богатыря – высокий, с хорошо развитой мускулатурой, русоволосый красавец. Он так захватывающе рассказывал о своём увлечении, что мы с Егоркой не устояли и поехали на выходных смотреть на постановочный бой.

Ну, что сказать? Зрелище действительно оказалось невероятно захватывающим, да и сам антураж: пища, приготовленная на кострах, красивые девушки в нарядных сарафанах, мужчины в кольчугах и ярких плащах – оставили в душе неизгладимый след. Всё это захватило и нас, став любимым хобби.

Моё ремесло пришлось здесь как нельзя кстати, многие хотели украсить свои мечи, ножи или боевые топоры искусной гравировкой или чеканкой, а то и полудрагоценными камнями.

Обращались ко мне и наши «коллеги», которым больше пришлось по душе куртуазные века Людовиков, с весёлыми и отважными мушкетёрами, толкиенисты или реконструкторы времён Первой и Второй мировых войн.

Ко мне приносили самое разное оружие от мечей до автоматов, которые я чистила, приводила в порядок, ремонтировала, заказывая новые детали мастерам на заводе.

А мы с сыном под руководством наставника учились владеть древним оружием русичей. На профессиональный уровень не замахивались, но азы обращения с кистенём, булавой, мечом, стрельбу из лука освоили.

Егор недолго сопровождал меня, вскоре появились свои юношеские увлечения, после института он устроился на хорошую работу и женился. Молодые жили самостоятельно, изредка заезжая на выходные.

Я постепенно начала принимать участие в реконструкции битв, уезжая нередко на неделю-другую в глухие деревни, где нас никто не тревожил.

Так и в тот раз, неугомонный Влад достал разрешение на охоту, и мы сорвались устраивать княжеский выезд. Все ребята неплохо держались верхом, научив и меня, поэтому было решено устроить небольшой конный поход и поохотиться на кабанов с луками и копьями.

В тот злополучный день всё и произошло: мы неспешно ехали через лес, молодые люди ускакали вперёд, Влад рассказывал о своей новой задумке – деревне, построенной по образцу поселений IX – X веков.

Бывший врач, он, не раздумывая, оставил свою карьеру, чтобы заниматься любимым делом, так же, как и я, за годы своего увлечения, освоив множество профессий. Мужчина буквально жил прошедшей эпохой, заражая своим энтузиазмом всех вокруг.

Не понукая коней, шагом мы выехали на небольшую поляну. Впереди слышался гвалт нашей бравой ватаги. Похоже, они загоняли кабанчика. Трещали кусты, грохотали копытами кони, кричали парни, подбодряя друг друга. Шум приближался к нам, вот уже стали видны первые всадники. Станный свист... и шею пронзила острая боль! Шальная стрела нашла единственное незащищённое место в моей броне... Не понимая до конца, что произошло, подняла руку к шее и увидела кровь, почувствовала, как пульсируя, та широкой лентой стекает по груди. Дышать стало тяжело, перед глазами потемнело, а потом я потеряла сознание.

И по прихоти неведомых богов оказалась в этом странном месте. Лежать дальше было неважно, неохотно открыв глаза, увидела ту же безрадостную картину: маленькая избушка и мощный мужик на полу. Через бычий пузырь, натянутый на узкое оконце, пробивались первые лучи восходящего солнца. Рассвет приободрил, вселил надежду, прогнал остатки ночных кошмаров. Теперь я понимаю, почему в древности люди молились дневному светилу: вот так переживи ночь бок о бок с хищниками и поймёшь, какое счастье, когда на улице светло и относительно безопасно.

Глава 4

С трудом поднялась с жёсткой скамьи и подошла к раненому. Дыхание его было ровным, но в сознание он так и не пришёл. Сколько ещё продлится такое состояние, сказать трудно. Но его надо как-то постараться напоить, обезвоживание на пользу не пойдёт.

Походила по хибаре, разминая затёкшие за ночь руки и ноги, всё тело ещё болело, как будто по мне прошёлся бульдозер. Любопытство тоже не давало покоя, хотелось осмотреть себя лучше, но страшно было разрушить и так трещавшую по швам привычную картину мира.

Так просто не бывает...

Не оказываются люди в мгновение ока непонятно где и в чужом теле. Но реальность упорно говорила об обратном.

Оглянувшись на воина, убедилась, что он без сознания, и подглядывать не станет. Медленно разделась и осмотрела себя, насколько это было возможным.

Худенькое девичье тело, навскидку лет шестнадцати. Руки ухоженные, а значит, не крестьянка, да и, судя по дорогой одежде, в деньгах семья не нуждается. Ещё бы знать, что за родственников подкинули мне высшие силы. Кто такая эта девушка, чьё тело я столь бесцеремонно, пусть и не по своему желанию, заняла?

Ничего особенного больше не рассмотрела и, вздохнув, хотела было одеться в свой грязный сарафан, как взгляд упал на сундук. Хозяйке всё, что там лежит, уже без надобности, а ходить в провонявшей дымом, грязном одеянии было невмоготу. Порывшись в чужих вещах, нашла пару длинных рубаш, одну тонкую, другую шерстяную, сарафан до пят из плотной грубой ткани и какую-то старую телогрейку из протёртых шкурок. Переодевшись, наконец, согрелась. В избе было довольно прохладно, и не удивительно, если судить по пейзажу за окном – уже была поздняя осень.

А вот огонь в печи потух и это плохо. Вспомнив свои вчерашние потуги с растопкой, чуть не расплакалась, но, утерев первые слезинки, снова достала кресало, кремёнок и принялась за дело. В этот раз всё прошло лучше, недолго поупрямившись, разгорелись тонкие веточки хвороста и скоро хибарка прогрелась от пылающей жаром печи.

Надо было проверить рану больного, промыть, наложить новую повязку и новую порцию целебной кашицы. Вскипятив воду, заложила нужные травы, затем аккуратно откинула плащ, в который укутала воина, и убрала лоскуты мною же разорванных рубаш.

Рана выглядела неплохо. Конечно, до полного заживления далеко, но и явного воспаления заметно не было. Омывая тело от запёкшейся крови, удивилась, а ведь воин не так уж и стар, как показалось на первый взгляд. Не было стариковской дряблости, под кожей бугрились хорошо развитые мышцы. Только многочисленные шрамы портили всю картину – мой подопечный точно бывалый воин.

Почти закончив перевязку, заметила слабое движение: мужчина потихоньку приходил в себя. Дыхание участилось, и он приоткрыл глаза:

– Настенька... Жива! – первым делом просипел он, слабо улыбнувшись.

– Угу, – буркнула в ответ, не зная, что сказать. Его речь точно была русской, но с таким странным говором, что я не понимала и половины его бормотаний. Он что-то спрашивал, мне приходилось лишь глупо кивать в ответ.

Взгляд мужчины стал более осмысленным, он с удивлением приподнял свои связанные руки и перевёл взор на меня. Я лишь пожала плечами:

– Лежи спокойно, – положив ладонь на грудь незнакомца, мягко надавила, чтобы лёг обратно на плащ.

– Воды, – с трудом просипел он.

Ну, хоть что-то понятное! Набрав ковш, поднесла его к губам мужчины. Пил он жадно и долго. Потом кивнул, откинулся на свою импровизированную постель и затих.

А у меня сводило живот от голода: вторые сутки без пищи давали о себе знать, да и физические надобности требовали уединения.

Осторожно открыв дверь, выглянула на поляну, кругом царил тишина, лишь шум голых ветвей проносился по воздуху. Осторожно ступая, стараясь не шуметь, обошла домик с другой стороны от ночного пиршества волков: видеть останки их трапезы было сейчас не под силу. Быстро справившись со своими делами, оглянулась. Недалеко виднелся колодец с замшелой крышей, сразу за домом у стены примостилась большая поленница. Это хорошо, вопрос воды и обогрева пока снят. Осталось раздобыть еды.

Вернувшись, принялась обшаривать горшки и туюски, стоявшие на печи. В чистой тряпиче нашёл кусок хлеба, в который я вгрызлась не хуже голодного волка. По окончании поисков, у меня на руках оказалось немного сушёных грибов и мешочек с сухарями. Если припасы и были, держали их явно в другом месте. Да только как его отыскать?

Тут из-за печки раздалось жалобное бление. Точно! У меня же есть молоко, но пока чисто теоретически.

Я подошла к козе и принялась за осмотр. Вымя было маленьким, если у неё и есть молоко, то скорее всего, совсем немного. Напоив животинку, поделилась с ней сухарём, козочка смачно захрумкала и даже не обратила внимания, когда я с миской в руках полезла её доить.

Мне – городскому жителю, процесс дойки был известен лишь в общих чертах. Согнувшись в три погибели, я старалась ухватить козу за сосцы, но та постоянно переступала с ноги на ногу, вертелась и крутила головой.

Измучившись акробатикой с козой, в итоге зажала её в углу и, о чудо, в миску упали первые капли молока. Надоив пол стакана, достала мешочек с сухарями и принялась за завтрак. Кажется, ничего вкуснее в жизни не ела! С голодухи такая простая пища была верхом блаженства.

Завозился и застонал мужчина. Вот ведь! Я чуть не забыла о том, что его тоже надо кормить. С сожалением поглядела на остатки молока, размочила в них сухарь, сделала тюрю и, отыскав деревянную ложку, буквально по крупичкам принялась вливать полученную кашицу ему рот.

После еды мужчина снова уснул, его щёки порозовели, а могучая грудь мерно вздымалась при каждом вдохе. Надежда, что о выживет, воспряла с новой силой.

Интерлюдия

Могута Мстиславович

Мысли, похожие на вязкий кисель, лениво ворочались в голове. Воевода постепенно приходил в сознание. Ныло от боли раненое плечо. Приоткрыв глаза, увидел Настеньку и в груди защемило от радости. Жива! С трудом оглядевшись, понял, что они так и остались в ведьминой избе, только вот ни самой мёртвой хозяйки, ни Аксины видно не было. Значит, не один день он провалялся в забытии. Настя сама управилась тут, да и его не запаматовала, рана была перевязана.

Попытавшись выпросить о случившемся, старый воин удивился: казалось, Настасья не понимает его. На все вопросы лишь глупо кивала и односложно бурчала. Ох и несладко пришлось бедной девочке! Приволок её, дурень старый, в избушку среди леса, где вместо помощи нашли они только покойниц-хозяек. Княжна до этого и мёртвой курицы не видала, берегла мать слабенькую от рождения дочь, гулять только под присмотром нянек и мамок выпускала. Девочка была чуткой с ранимым сердцем, очень жалостливой. Бывало, увидит щенка с перебитой лапой и льёт над ним слёзы ровно об убитом. Страшно гневалась тогда княгиня на нянек, скоро была на расправу. Не раз таскала за волосы нерадивых дворовых девок.

А потом усаживала Настеньку на перины, да рассказывала ей сказки про Змея Горыныча и богатыря, да про красавицу деву-лебедь. Младшенькая дочь, любимая. Сыновья княгини уже давно учились ратному делу, часто сопровождая отца в недалёких походах, да забавляясь потешными поединками с гриднями, вот и досталась вся материнская ласка Настасье.

Что же теперь будет с Вежей? Одна только дочь и осталась у князя с княгиней. Право на княжение можно передать и по женской линии, да только справится ли юная княжна с приграничным городом, который без малого неделями иной раз был под осадой степняков? Не давали они покоя, то и дело устраивали набеги, после растворяясь в степях, как утренний туман. Трудна доля князя, нет у него ни минуты покоя. Не только Вежу надо оберегать от супостата, стояли маленькие крепостницы со своей дружиной, были и крестьянские деревеньки, которые тоже нуждались в защите. Издревле на их земле повелось, что у Вежи был свой князь, младший из черниговских, который стерёг границы княжества. Боги были благосклонны к роду славного Велерада, пятеро сыновей подарила судьба им с жёнушкой. Вот младшему Братиславу и выпало княжить в Веже, оберегая покой родной земли.

Теперь придётся отцу подыскивать для дочери славного витязя, которому можно передать бразды правления и кого одобрит князь черниговский – Гостомysl Велирадович. Норов у того был крут, боялись его гнева даже родные сыновья.

А если прознает об этом великий князь Ярополк, то и своего жениха подыскать может. Его слово – закон. Давно он недоволен тем, что живут князья черниговские особицей. Хоть и платят дань Киеву, да только своим умом правят. Напрямую свой гнев не покажет Ярополк, сильна дружина черниговская, ссориться с князем опасно, а вот посадить своего человека в Веже вместо Братислава, то ему под силу. Прикажет выдать Настю замуж за одного из приближённых воевод, да хоть за Свенельда, тот даром что немолод, а князю люб, слушается его советов Ярополк. И Вежа – кусочек лакомый. Тут и леса да нивы богатые, по Снове-реке плывут купцы в землю русскую, исправно платят дань пограничную. Казна городская никогда не пустует. Знает об этом и Ярополк.

Ох, ты долюшка горькая! Погибли все три княжича, давно не было на Вежу такого набега, словно чёрной тучей накрыло город. Много сражений видела старая крепость, но никогда ещё степняки не добирались до детинца, до княжеских палат.

Как там княгиня-матушка с князем? Надо скорее возвращаться!

Недаром воеводу зовут правой рукой повелителя, много дел в городе, за всем пригляд надобен. Да только сил нет подняться, и руки связаны. Что это ещё удумала Настасья? Неужели не признала дядьку, что с младенчества забавлял её деревянными лошадками, да сказками про дальние края?

Старый воин, то приходил в сознание, то снова впадал в забытье. Слабость не давала подняться, просить развязать руки, он не стал. Ежели так спокойнее княжне, пусть так и будет. Потом разберётся, успокоит напуганную девочку.

В следующий раз очнулся Могута, когда стала кормить его Настенька жидкой тюрей. В печке весело потрескивали поленья. С трудом проглотив еду, старый воин прикрыл глаза. Молодец девочка, сама справляется с ним немощным. Тяжело было воеводе чувствовать себя обузой, не привык он пролёживать даже раненым, с рассвета и до заката дела требовали его участия. В пылу боя не обратил он внимания на рану, а вон оно, как повернулось, свалило его с ног точно деревце молодое на ветру. Да только лежать сейчас не время!

Очнувшись ото сна, ближе к закату, Могута с трудом сел, облокотившись о лавку. Испуганно смотрела на него Настасья. Да уж не тронулась ли умом девка? Вон и словечка вымолвить не может, дрожит точно лист осиновый.

С лаской обратился к ней воевода:

– Настасьюшка, али не признала меня? Это же я дядька Могута, – воин внимательно смотрел в глаза девушки, да нет, на полоумную непохожа, взгляд живой, осмысленный. Неужто убийство братьев так подкосило княжну или успели степняки обидеть девочку?

Воевода поднял связанные руки:

– Настенька, развяжи меня, я не причиню тебе зла.

Могута и сам мог разорвать верёвки, да только боялся ещё больше её напугать. Снова взглядом указал на путы:

– Развяжи меня, Настасьюшка, – повторил, медленно проговаривая каждое слово.

Бочком, будто к чужому шла, княжна всё же к нему приблизилась, и, быстро стянув верёвки, сразу же отскочила к двери, точно боялась, что сейчас ударит её Могута.

Тихо сидел воевода, почти не шевелясь, ласково разговаривая с княжной, стараясь успокоить её. Вот уже и перестала дрожать Настенька, может, признала всё-таки? Принесла ему воды, а сама поглядывает с любопытством, точно в первый раз видит.

Надо возвращаться скорее в Вежу. Да как покажет он такую дочь родителям? Что скажет княгинюшка? Эх, не уберёт дитя!

Воевода и не заметил, как одолела его вновь дремота, откинулся он на свой плащ, да снова провалился в глубокий сон. Уже не слыша, как хлопчет о нём Настенька.

Глава 5

Воин пришёл в сознание.

Я сначала испугалась, но голос его был ласковым, а глаза добрыми. Не понимая толком смысл речей, осознала только то, что вреда он мне причинять не собирается. По его просьбе срезала верёвку, опутывающую руки. Мужчина долго что-то рассказывал мне, а в сознании всплывали образы из чужой памяти, словно это была моя родная речь, только позабытая. Общий смысл сказанного с каждым мгновением становился всё более понятным: дома меня ждут родители, сам воин называл себя моим дядей, наверное, родственник.

Недолго продлилось его бодрствование, утомившись, он повалился на плащ и заснул. Мне оставалось только накрыть его полами одеяния, всё же пол в хибаре был холодным. Подбросив ещё пару поленьев в зев очага, села у печки, и посмотрела в огонь. Сна не было, чудились с улицы невнятные шорохи: пугали голоса ночных птиц и неведомые звуки леса. А вдруг волки вернутся, чтобы продолжить своё страшное пиршество, только в этот раз главным блюдом у них стану я и спящий дядька?

По речи мужчины поняла, что он хочет отвести меня домой. Вернее туда, где жила девушка, чьё тело я теперь заняла. Как быть? Смогу ли я выдать себя за неё? И мне пришло в голову получше рассмотреть оружие воина, так можно хоть немного сориентироваться во времени, куда я попала.

Долго и внимательно осматривала кольчугу: двурядная, из хорошего железа, всё это говорило о высоком статусе мужчины, если только не снял он её с убитого. И такое возможно. Меч обоюдоострый с широким клинком судя по узорам полотна, из дамасской стали, рукоять богато украшена, по перекрестью и навершию вились затейливая вязь. Нож тоже был не из дешёвых, с утолщённой спинкой и удлинённым черенком, рукоять из кости также покрыта орнаментальной резьбой, характерной для Руси IX–XI века. Но оружие могло передаваться и по наследству, от отца к сыну. Думаю, не ошибусь, если время, в которое я угодила, не позднее XI века. То, что очнулась в родной России, радовало, окажись сейчас в Европе, пришлось бы мне совсем несладко, ещё и в ведьмы могли записать, кто их знает дремучих?

Вид оружия невольно успокоил. Я разглядывала клинки, любовалась узорами стали, всё, к чему так привыкла за годы работы оружейником. Неплохо было бы вспомнить и историю, кто там княжил в Киеве? К своему стыду, я ведала лишь о металле и оружии, и немного припоминала сведения из школьной программы, какие-то знания о престолонаследии сохранились, но были обрывочными и куцыми. Вроде уже должен занять престол Владимир.

Осмотрела шею воина: крестика не было, из этого следует, что народ ещё не крестился. На кожаном ремешке висел круглый амулет с изображением шестилучевого коловрата внутри. Значит, не миновали ещё времена древних богов.

Вернулась к печке и задумалась: как же не выдать себя? Мало ли, посчитают самозванкой или хуже того, заподозрят, что тут замешано колдовство. Долго ли протяну тогда? Убьют, и дело с концом. О нравах десятого века я имела весьма смутное представление. Но свои суеверия были везде. Судя по тому, что рассказал воин, случилось что-то страшное, а значит, надо прикинуться потерянной и напуганной до потери речи ребёнком, как после серьёзного стресса. Есть шанс, что не разгадают, что отныне в теле Настеньки поселилась другая душа.

Только сейчас пришло осознание: прошедшая ночь – это лишь начало моих испытаний и оно было не самым сложным, ягодки, как говорится, впереди. Кто знает, может остаться в лесу с диким зверьём куда безопасней, чем идти к людям? Человеческая жестокость переплюнет любого хищника.

Долго сидела, глядя на танцующее пламя, голова разболелась от переживаний, но усталость дала о себе знать: глаза начали закрываться, мысли путаться. Набрав из сундука остатки

тряпья, соорудила себе подобие матраца на лавке, а то от жёсткой лежанки болела каждая косточка. Растянувшись на импровизированном ложе, мгновенно уснула.

Попутру меня разбудил шум, открыв глаза, увидела, что воин, хоть и с трудом, но уже держится на ногах. Он с тихим ворчанием разглядывал свои разрезанные рубахи, потом шумно вздохнул и, кое-как собрав лоскуты воедино, обернул их полоской какой-то ткани. С кольчугой ему пришлось сложнее, железная одёжка была тяжёлой, а рука ещё плохо слушалась, да и, вероятно, сильно болела. Морщась и скрипя зубами, богатырь принялся осторожно надевать своё обмундирование. Справившись с кольчугой, тяжело дыша, обернулся ко мне.

– Утро доброе, Настенька! Вставай, голубушка, пора домой воротиться, – странное чувство, словно в лингафонном кабинете, когда слышишь чужую речь и перевод одновременно.

Я не отозвалась, только кивнула, отвечать было боязно. Мелькнула мысль, что девушка была моей тёзкой, это хорошо, не придётся привыкать к чужому имени.

Богатырь, накинув на плечи плащ и выразительным жестом указав на дверь, шагнул наружу. А я замерла, едва дыша, даже коленки подрагивали: как меня примут в этом чужом мире? Неизвестность пугала...

Тихое жалобное блеяние вернуло из тисков страха в реальность.

Козочка! Я зашла за печь и отвязала верёвку, ведя животинку в поводу. Бросать её здесь никак нельзя, помрёт ведь от голода, выгони в лес, задерут волки.

Так, втроём, и отправились в путь по еле различимым тропам.

Лес был густой и труднопроходимый, нередко встречались заваленные буреломом прогалины, как мужчине удавалось здесь отыскивать дорогу, непонятно. Часто попадались просто исполинские деревья, наверное, в три обхвата, а может, и больше, их ветви терялись где-то в небе. Палая листва стелилась мягким ковром под ноги, приглушая наши шаги. По веткам скакали юркие белки, с любопытством поглядывая на нас. Могучие разлапистые сосны зелёными мазками виднелись среди голых стволов. Под ветвями эдаких великанов можно устроиться не хуже, чем в шатре. Всё вокруг готовилось к зимнему сну, чтобы пробудиться с первым звоном капли к новой жизни. Краски потускнели, жухлая трава была бурой, лишь в вышине, среди ветвей виднелось ярко-голубое небо. Мы брели уже достаточно долго, а чаща и не думала заканчиваться. Сколько же ещё топать до дома? Ноги гудели, упиралась коза, чуя запах хищников – её приходилось буквально волочить за собой. Воин, погрузившись в свои мысли, казалось, не замечал ничего вокруг. От усталости притупился страх, мне уже было всё равно, куда приведут и к кому, только бы поскорее закончилось это изнурительное путешествие.

Интерлюдия

Могута Мстиславович

Воевода неспешно двигался по лесу, подстраиваясь под шаг Настасьи. Тяжёлые думы одолевали старого воина. Странная была княжна, притихшая, не разговаривала совсем, а в глазах страх. Будто не домой он вёл её, а в полон. Богатырь надеялся, что рядом с матерью ей станет легче, приласкает, приголубит княгинюшка дочь, да и забудутся кошмары девицы.

Скоро уже покажется широкий луг, что отделяет Вежу от леса, завиднеются высокие стены родного города, то-то радости будет родителям, когда вернёт им дочь живой и невредимой. И всё же странное беспокойство томило Могуту, словно и не Настю вёл он, а чужого человека. Встряхнув головой, отогнал нелёгкие мысли от себя. Попутру, осмотрев избушку и поляну, нашёл останки старой ведуньи и Аксины, волки растерзав тела почти не тронули головы и конечности убитых, видел воин изрезанную руку, знал, зачем ведьмы кровь свою проливают. Заметил и полустёртые руны на полу хижины, знаки кровной мести и воздаяния. Случайно ли попали они с Настей в ту ночь к ведьме? Или по воле богов пришли в час, когда вершилось их предназначение? Могута не был хорошо знаком с ведовством, но от деда слышал, что

способны сильные ворожеи в свой смертный час призвать богов, моля о справедливости или мести и изменить судьбу. А уж Желя была ведьмой старой и опытной, страшная кара ожидала обидчиков, особенно, ежели просила она не за себя, а за других...

Что напали на хозяек степняки, не было сомнения: земля вокруг избушки изрыта копытами, да и сами женщины избиты в кровь. Видно, насильничали Аксютку, а старуха не смогла защитить свою воспитанницу. Плохо это, печенег не любили лесов и боялись, стараясь обходить стороной, не забредая в чащу. Да и передвигались они верхом, где уж коню по буреломам непролазным разогнаться. Лес полон ловушек, оступись скакун, шагни в нору или запнись о корень, сломает ногу. Зримо, новую хитрость придумали ордынцы, что решились идти по ненавистному лесу. Потому и не сразу заметили их дозорные, не ждали, что придёт беда из родных чаш, где хоронились деревенские от набегов.

Сильна дружина вежинская, добротны укрепления, могучи стены, а вот не устояли перед печенегами. Надо думать, как теперь оборонять город, хитры степняки, да в родном доме и стены помогают. Справятся русичи, не впервой.

Вилась тропка под ногами, вот уже и показалось чистое приволье полей, что встречали на подступах к городу. Присмотревшись, заметил Могута, что недалеко от вала, что отделял город от степи, возвышается небольшой холм, не виданный здесь доселе. К нему подвозили на телегах крупные поленья.

Да это же краду (*прим. автора – высокий деревянный помост, на котором сжигали усопшего, погребальный костёр*), собирают, княжичей хоронить! Не пошёл воевода к кургану, надо отвести сначала Настеньку к родным, увидеться с князем. После вместе будут они провожать в последний путь княжеских сыновей.

Люди, толпившиеся у ворот, скоро заметили двух путников.

– Это же Могута! – раздавалось со всех сторон, – глядите, и княжна с ним!

Воевода пошёл к старому воину Войко, с которым вместе наставляли молодых дружинников. Тот спешил навстречу Могуте, сняв шапку.

– Поздорову тебе, воевода вяжинский. Да где ты пропадал? Уже и не чаяли мы отыскать тебя живым. И княжну сберёг, смилостивились боги над нами, не дали умереть всему роду княжескому.

Старый воин в недоумении остановился, глядя на Войко:

– В своём ли ты уме, друже? Какому всему роду? Где князь? – воевода словно скала надвигался на старика.

– Не гневайся, Могута, сначала выслушай, что стряслось в Веже. Да толком расскажи, когда ты покинул город? – поклонился воеводе Войко.

– Знамо когда, – нахмурился воевода, – как начал гореть детинец, поспешил я на защиту княжичей, да поздно было, одну только Настасью и уберёг, свёз её в лес к Желе, слаба была княжна, едва богам душу не отдала. Поступил так, поскольку услышал горн княжеский – подъехал Братислав с дружиной к городу, не мог я ошибиться!

Печально вздохнул старый Войко:

– Так-то оно так, отбил князь печенегов, погнали басурман по степи, в город к палатам своим поспешил Братислав, да только на одной из улиц притаился степняк, не заметили сразу пса печенежского. Пустил он стрелу в князя, видно, прогневили мы богов, аккуратно под бармицу попала она, умер кормилец наш так и не узнав, что нет в живых ни детей. Уже и не чаяли мы узреть Настасью Братиславовну живой, думали в полон княжну угнали. А видишь как, удалось тебе её уберечь, – в глазах воина показались слёзы, он всё кланялся девочке, стараясь прикоснуться хоть к её одежде, не веря, что жива дочь князя.

Нахмурился Могута, новость подкосила старого воина, опустились могучие плечи, да делать нечего. Взяв княжну за руку, отправился воевода к княжеским палатам, возле которых уже стояла ладья с почившим князем и сыновьями, ожидали мёртвые своего последнего часа,

когда взметнётся к небу костёр и Карна (*прим. автора – славянская богиня скорби и грусти, которая встречает умерших в Нави, загробном мире*) встретит умерших, чтобы проводить их в последний путь.

Увидала дворня воеводу с юной княжной, с плачем и оханьем бросились к Настасье девки да мамки. Не чаяли уж увидеть её живой. Повели дочь князя в палаты, где предстоит ей готовиться к страве (*прим. автора – пир-поминки*).

Глава 6

Остальная часть пути прошла словно в тумане. Вот мы подошли к городу, где воин, долго разговаривал со стариком. А потом отвёл меня к высокому терему, наполовину разрушенному огнём. В городе тоже то и дело встречались сожжённые избы, слышался бабий плач. Перед теремом ко мне подбежали женщины, рыдая и причитая, обнимали, отведя затем в роскошные комнаты, которые не тронул огонь.

Я молчала, боясь выдать себя. Но меня сильно и не расспрашивали, лица служанок были заплаканы. Ко мне подошла старая женщина, наряд её был богаче, чем у других. Кликнув девушек, старуха повела меня в баню, где меня долго мыли, оттирая от сажи.

Затем она же провела меня в богато украшенную спальню, где уже готовили платье.

Всё, что мне удалось понять из обрывков подслушанных разговоров, что умер князь и вся его семья. Девушки жалели меня, обращались ласково и бережно, точно с фарфоровой куклой.

Так, выходит, я дочь князя?!

В голове, словно мошкара, метались мысли. Ведь княжескую семью знает каждый, скоро поймут, что я не та, за кого себя выдаю. Как мне вести себя?

Пока сильно притворяться и не потребовалось, скорее всего, служанки решили, что я страшно горюю и слова сказать не могу.

Просушив волосы и заплетя косу, девушки принесли мне одежду, старая женщина, которую все называли Даной, поторапливала служанок, ежеминутно прикрикивая на них.

Меня обрядили сначала в длинную, до пят рубашу из тончайшего льна, мягкого, словно вторая кожа. Поверх надели белое свободное платье, крупный воротник, рукава и подол были украшены золотым шитьём и жемчугом, завершил наряд богатый широкий пояс, также в золоте и жемчугах. Голову украсил золотой обруч, с которого у висков спускались подвески. Поднесли кожаные сапожки, все унизанные украшениями. Сверху накинули белый плащ, богато расшитый и подбитый мехом. На руках застегнули золотые же браслеты, пальцы украсили перстнями. Одобрительно оглядев мой наряд, Дана повела меня вниз, где уже ждал воевода. Увидев знакомое лицо, я приободрилась. Со старым воином мне было как-то спокойней. Он подошёл ко мне и взял за руки:

– Крепись Настасьюшка, время пришло, – и, не говоря более ни слова, вывел наружу, где стояла большая ладья.

Во дворе толпился народ. Замерли солдаты в кольчугах и плащах, местная знать в богатых одеждах, виднелся и люд попроще.

Нас проводили к сходням, спускавшимся из ладьи. Воевода помог мне подняться. На широком судне лежали на богато убранном низком ложе тела четырёх человек. Так вот вы какие, мои родственники!

Я внимательно рассматривала убитых. Первым лежал мужчина с волевым ликом, русые волосы и аккуратную бородку слегка тронула седина, лицо его было спокойным, даже умиротворённым. Высокий, плечистый, он был хорош собой при жизни. Рядом с ним трое юношей, родство сразу бросалось в глаза, все как один русые, высокие, со статными фигурами. Самому молодому едва ли исполнилось восемнадцать. Не знаю, положено ли мне плакать на похоронах, но сейчас от волнения не могла выдавить из себя и слезинки.

И отчего-то не было видно тела княгини – матери Настасьи, получается, либо женщина сторела в пламени пожара, либо её увели в полон. И я даже не знаю, что из этих двух вариантов хуже.

Воевода разложил принесённые слугами богато изукрашенные мечи и пояса, отделанные самоцветами, кольчуги и шлемы, какие-то украшения. После тела погибших накрыли белым холстом, а мы спустились на землю.

Солнце было в зените, освещая яркими лучами двор. К ладье подошли воины и подняв её на плечи медленно тронулись к воротам. За городом был собран большой деревянный помост из поленьев, куда и водрузили ладью.

Воевода разделся до пояса и принялся читать какие-то молитвы, рядом с ним стояли старцы, наверное, волхвы. Их белые одежды были тронуты лишь вышивкой, отличаясь от окружающих аскетичной простотой.

Вот окончились молитвы и воеводе поднесли разожжённый факел, с которым он пошёл к помосту. Вскоре ввысь взметнулись первые языки огня, который тут же принялся яростно пожирать принесённую ему дань, столб дыма взвился к самому небу. Курган окружило, наверное, всё население города. Я стояла рядом с Даной среди бояр и слуг. Пламя ревело, в его раскалённом зеве исчезла ладья с почившими. Не было слышно плача, в тишине раздавался лишь треск горевших поленьев. Вежа провожала в последний путь своего князя.

Не дожидаясь, когда полностью прогорит костёр, меня повели в город. У кургана остались слуги, им, наверное, и надо следить за огнём.

В просторном зале, куда меня привели, стояли накрытые столы. Дана проводила к богато украшенному креслу, в которое и усадила. Начал собираться народ, рассаживаясь и тихонько переговариваясь друг с другом. Всё внимание пришедших было сосредоточено на мне. Руки мои дрожали от страха и волнения, кусок не лез в горло. Может, мне нужно сказать поминальную речь? Что делать? Не придумав ничего лучше, изобразила обморок и шлёпнулась с кресла на руки подбежавшим слугам. Запричитав, ко мне бросилась Дана, вскоре я уже лежала на кровати в спальне. Рядом суетились девушки, приводя меня в чувство. Я открыла глаза, тихонько кивнула, давая понять, что со мной всё в порядке и указала им на дверь. Вскоре, сняв с меня верхнее платье, девицы удалились, осталась лишь девочка, которой поручили приглядывать за мной.

Впечатлений на сегодня было предостаточно, отвернувшись к стене, я забылась беспокойным сном.

Интерлюдия

Могута Мстиславович

Воевода сидел в дружинной избе, в большой трапезной, где по вечерам собирались гридни поужинать, обсудить последние новости, да и просто посудачить о своём. Сейчас комната была пуста – все уже отправились на боковую, но не спалось Могуते.

Наконец-то разобрали последние завалы после пожара. От огня сильно пострадали клетки (*прим. автора – хозяйственная постройка*) на княжеском подворье. Там же схоронились сённые девушки, там же пытались отыскать и княгиню, решив, что спрятали её чернавки среди многочисленных построек.

Многих нашли убитыми, ещё больше задохнулись от дыма и чада, да только Милавы Радимировны среди них не было. Не стал говорить он Настасье, но это значило лишь одно – княгиню взяли в полон.

Нахмурился воевода: если бы хотел Илдей получить выкуп за жену Братислава, уже бы прислал гонца. Хан молчит, стало быть, взял он Милаву своей наложницей или отправил кагану. Вряд ли княгиню убьют, пусть печенег и не церемонились с пленными, но княжеский род уважали по-своему. Зазря мучить её не будут, хотя жизнь в наложницах тоже не мёд.

Ставка хана Илдея

В своей роскошной юрте на мягкой постели возлежал хан. Он рассматривал дары, что принесли ему верные воины после вчерашнего набега. Нападение на Вежу прошло удачно, Илдей довольно ухмыльнулся. Скоро окажется древний город у его ног, радостную весть он пошлёт своему кагану. Илдей был ещё не стар, невысокий, но кряжистый с объёмным брюш-

ком. Он довольно разглядывал свои короткие толстые пальцы, униженные драгоценными перстнями, добытыми в последнем набеге.

Байрак-баши (*прим. автора – сотник*) докладывали, что убит князь и вся его семья, не стало и проклятого Могуты. Пока дойдёт весть до Чернигова, успеет Илдей занять город. Много хороших рабов и богатых даров отправит он кагану, велика будет милость правителя. Лишь одну жемчужину оставит себе хан – жену убитого Братислава.

Вдоволь потешились над ним русичи, гоняя его воинов по степи точно шелудивых псов, настал его черёд.

Илдей негромко окликнул слугу, в юрту, робко кланяясь, вошёл мальчик.

– Пусть приведут ко мне Милаву, – коротко бросил хан слуге, даже не глядя на него.

Низко поклонившись, прислужник исчез за пологом. Скоро, кланяясь, в юрту вошла старуха, что смотрела за его жёнами и наложницами.

– Княгиня здесь, великий хан, – она подобострастно заглядывала в глаза Илдею.

За ней воин вёл высокую, статную женщину, скрутив её руки за спиной.

– Подведи ко мне, – негромко бросил хан.

Воин в три шага преодолел разделявшее их расстояние и, оставив женщину перед хозяином, снова поклонился и вышел вон.

Илдей рассматривал свою добычу. Княгиня была немолода, но всё ещё хороша собой. Красивое лицо, где нет и следа морщин, густые косы, что спадали по спине, широкие бёдра, бархатная кожа.

Пленница замерла в одной длиннополой рубахе. Илдей знал, что не тронули её воины. Слишком драгоценный трофей, такой полагался только ему.

Милава смотрела прямо в глаза мужчине, в её взоре читалось лишь презрение и ненависть, и никакого страха.

Старуха подошла к княгине и, схватив за косу, попыталась склонить её голову:

– Не смотри в глаза хану, – прошипела она.

Княгиня же, оттолкнув ведьму рукой, точно надоедливую мошку, всё так же стояла, не желая кланяться захватчику.

Илдей ухмыльнулся:

– Оставь нас, – велел старухе.

Склонив голову, та поспешила выйти из юрты.

Хан обошёл Милаву, любясь красавицей. Горда, непокорна. Тем слаще будет поставить её на колени, как объезженную кобылицу.

Взяв нож, разрезал рубаху, любясь женским телом, ощупал высокую грудь и крутые бёдра. Лицо Милавы исказилось от ненависти, повернувшись к Илдею, она плюнула ему в лицо.

Хан отступил на шаг от пленницы, утёрся, а потом со всей силы, наотмашь ударил её по щеке, отчего голова Милавы запрокинулась, и женщина с трудом удержалась на ногах. Утерев кровь, выступившую на губе, она также гордо выпрямилась, взгляд стал отрешённым, понемалу княгиня, какую участь готовит для неё кочевник. Что быть ей одной из его наложниц и умереть не дадут – строго стерегли слуги полонянок.

Илдей злобно оскалился, схватил Милаву за косы и с силой швырнул на своё ложе. Княгиня извернулась и пнула хана в живот, тот побагровел от злости. С силой ударил пленницу под рёбра, отчего она скорчилась, хватая ртом воздух.

– Ты станешь у меня послушной, – негромко сказал хан, развязывая пояс халата.

Стремительно подойдя к распростёртой женщине, снова и снова бил её в живот, пока она не обмякла и не перестала сопротивляться. Трогать красивое лицо не стал, кто же уродует такую добычу?

Лишь под утро истерзанную, еле переставлявшую ноги, отпустил Милаву Илдей, долго ещё довольно скалясь вслед княгине.

Глава 7

Интерлюдия

Могута Мстиславович

Воевода в одиночестве сидел в дружинной избе, в большой трапезной, задумчиво глядя перед собой и хмуря кустистые брови, нет-нет, поджимая губы. Его размышления прервал неожиданный посетитель – Мокша. В его ведении была забота об оружии дружины, также он договаривался с кузнецами о починке и новых мечах, и кольчугах, заказывал у мастеров луки и стрелы. Неприятный человек, себе на уме, но сметливый, потому и держался столько лет на службе у князя.

Невысокий, худой, с жиденькой бородкой, что клочками торчала на его скулах и подбородке. Редкие волосы едва прикрывали розовую кожу затылка. Держался он всегда подобострастно, ходил, наклонившись, точно в поклоне. Маленькие глазки невнятного цвета постоянно бегали, создавая неприятное впечатление. Недолюбливал его Могута, вот уж у человека не дознаешься ничего толком, всё норовит юлить, ровно уж на сковородке.

Крадучись подошёл Мокша к воеводе.

– Здрав будь, Могута Мстиславович, – молвил он, и, прижав шапку к груди, низко поклонился.

– И тебе поздорову, Мокша, говори, зачем пришёл.

– Не гневайся, воевода, а только ропщет дружина, что княжну решили к посажению готовить. Бояре тоже недовольны. Куда уж слабосильной девице городом владеть? Надо бы послать весть в Чернигов, чтобы отправил Гостомысл Великарович посадника (*прим. автора – глава города, назначенный князем*), не сдюжит Настасья Братиславовна, одолеют нас степняки при первом же набеге.

Нахмурился Могута, грозно глянул на собеседника:

– Уж не хочешь ли ты смуту в городе поднять, Мокша? Али забыл, как правила Вежей княгиня Предслава, пока сын малолетний Олег в силу не вошёл? Разве не выстоял тогда город супротив врага, разве гнали тогда в полон степняки народ наш? Опечалена княжна смертью родителя и братьев, да только разумна она, как и её мать, не допустит Настасья разорения Вежи. Пустое все твои разговоры. А коли услышу, что народ мутишь, да бояр подговариваешь, сам твой поганый язык и вырву, чтобы знал своё место! – голос воеводы стал низким, рокочущим, как далёкие громовые раскаты. И тона он не поднимал, но оттого его речь стала внушительнее – до дрожи в поджилках.

Мокша съёжился под гневным взглядом Могуты, затряс бородёнкой:

– Смилуйся, воевода, разве я супротив княжны? Только о городе и пекусь!

– Без тебя найдётся кому позаботиться. Да и послали уже гонца к Гостомыслу, как решит князь черниговский, так и будет.

Могута поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен, Мокша склонился перед воеводой и бочком убрался восвояси.

Тревожно было на душе у старого воина, и впрямь мог народ воспротивиться княжению юной девицы. Отошлют тогда Настасью в Чернигов, пришлёт князь своего человека или кого из меньших братьев посадит владеть Вежей. Не знают они, какова жизнь на тревожной приграничной территории, мнят себя великими воинами, а раз приехав, да повидав орды степняков, что, точно оголодавшие волки зимой, нападают раз за разом на город, бегут под крыло Гостомысла, подальше от беспокойной границы. Плохо тогда жителям, нельзя Веже без заступника. Настенька, хоть и молода, да отец учил её наравне с братьями, как при осаде город удержать да оборонить от врага. И сегодня, беседуя с княжной, убедился воевода, что не сломило её горе,

здравы речи, правильны. Сумеет Настасья позаботиться о людях Вежинском, не даст в обиду степнякам!

Завтра обойдут они с княжной город, там и поглядит воевода, что предложит Настасья, сдюжит или нет?

Настасья

Проснулась я, едва за окном заголосили петухи, приветствуя новый день. Солнце только показалось на небосводе, стыдливо выглядывая из-за края земли. Губы сами собой изогнулись в лёгкую улыбку и вдруг неожиданно подумалось, а почему княжне дали имя Настасья? И пусть в моём времени оно было однозначно русским, но сейчас же десятый век и язычество. Весьма любопытный вопрос, надо будет потом уточнить у воеводы.

Тряхнув головой, разбудила Алёнку, та тут же подскочила с лавки, сонно потирая глаза.

– Готовь мне платье, Алёнушка, пойду я в город с Могутой, погляжу, что там натворили печенеги.

Чернавка засуетилась, готовя нижнюю рубаху и выбирая наряд. Вот ведь напасть, а на стену-то, как я в платье полезу, перед солдатнёй? Стыду не оберёшься потом!

– Алёнка, а принеси ты мне одежду братьев, примерю.

Глаза девчухи округлились:

– Помилуй, княжна, да где это видано, чтобы девица в мужских портках ходила! Срам-то какой! – тихо лепетала напуганная девочка.

– Так ты сама посуди, мне на стену подняться надо, разве ж пристало княжне перед дружиной подолом мести?

Алёнка лишь глазами захлопала, уставившись на меня, как на заморское чудище.

– Да мне же Дана все косы вырвет, коли узнает, что нарядила я княжну в мужскую одежду!

– Скажи, я так велела. Вот что, неси штаны, а сверху наденем сарафан, только выбери какой попроще, не время красоваться.

Алёнка ещё помялась, но покорно отправилась выполнять приказ.

Платья я никогда не любила, предпочитая удобные джинсы, а здесь мне было совсем тяжело, длинная рубаха путалась в ногах, юбка цеплялась при ходьбе так, что приходилось следить за каждым шагом. Но привыкать, приспособливаться к новому всё же придётся.

Вскоре вернулась чернавка, неся несколько штанов и рубах, руки девочки дрожали, выдавая волнение.

– Не бойся, Алёнушка, наденем сверху сарафан никто и не заметит, – я старалась успокоить напуганного ребёнка.

Длинную нижнюю рубаху в штаны не заправишь, она топорщилась, собираясь вокруг ног и бёдер. Надела короткую рубашку одного из братьев, выбрала штаны по размеру и натянула сарафан, глянула в зеркало (коей тут была начищенная медная пластина). И пусть отражение было не таким чётким, к какому я привыкла, но вполне приемлемым: и выглядела я, прямо сказать, ужасно! Штаны, стянутые на поясе, топорщились под сарафаном, я стала похожа на мешок с картошкой, просто кошмар! Так только народ на улице пугать: увидят меня люди и впрямь решат, что умом тронулась. Улыбка сама собой тронула губы.

Вдруг Алёнка встрепенулась:

– Погоди, княжна! Я что придумала! – и унеслась из комнаты, махнув подолом.

Вернувшись, она разложила передо мной широкую нижнюю рубаху и плотную шерстяную юбку.

– Вот, понёва (*прим. автора – домотканая шерстяная юбка*) твоей матушки.

Алёнка сняла с меня мужскую сорочку, затянула штаны потуже на талии, сверху надела просторную рубаху, затем расшитую сорочку и подвязала длинную понёву. Толстая ткань юбки скрывала штаны, со стороны и незаметно, что под низом мужская одежда.

Довольно кивнув, отправилась во двор. Могута уже ждал меня, беседуя с одним из гридней. Стоило мне показаться, как они сняли шапки и почтительно поклонились.

Так, с воеводой и с одним из дружинников мы и направились к главным воротам города, я решила дойти пешком, чтобы получше разглядеть поселение.

Вскоре вышли к выезду из города и поднялись на стену. Вежа стояла на естественном холме у излучины Снов-реки, куда выходили вторые ворота.

Перед городскими стенами был первый невысокий земляной вал, на втором уже возвышалось само укрепление, сделанное из дерева в два ряда. Простенок засыпали землёй и камнями. Над воротами высилась башня, откуда вёлся обстрел по неприятелю. Изнутри вдоль стены шёл заборол – помост, где дружинники обозревали окрестности и отстреливались от степняков через узкие щели – скважни.

Я забралась на стену и оглянулась. Привольно раскинулась Вежа среди раздолья полей. Широкая дорога вела от ворот к детинцу, где и расположились княжеские палаты, стена, что шла от ворот внутреннего укрепления, была сплошной, деля город на две части, за ней виднелся прямоугольник стен, что окружали детинец за второй линией защиты, далее город змеился небольшими улочками, ведущими ко вторым воротам. Там, по словам Могуты, жили в основном ремесленники: кузнецы, ткачи, древоделы, кожевники, гончары.

Дома все были деревянными, где совсем маленькие чёрные избы с узкими небольшими окошками почти под самой крышей, а где и просторные хоромы с надворными клетями, огороженные плетнем. Многие строения украшены затейливой резьбой.

Перед воротами детинца расположилась небольшая городская площадь в окружении высоких деревьев, коих было много и по улицам, по весне, должно быть, город утопал в зелени.

По улицам словно муравьи, сновали люди, катились телеги со скарбом, город жил своей жизнью. Только чёрными шрамами тут и там выглядывали останки пожарищ.

За вторыми воротами по берегу реки расположился большой посад (*прим. автора – неукреплённый пригород, расположенный за стенами города*). Дома там были обнесены частоколом, эдакие маленькие крепости. Оно и понятно, люди жили в постоянном страхе перед печенегами.

Я расспрашивала Могуту обо всех укреплениях, пусть лучше считает меня глупой, чем проворонить слабое место в обороне города. Узнала, как несут службу дружинники на стенах, когда меняются караулы. Осмотрели мы и ворота, массивные, укреплённые железом – такие с наскока не возьмёшь.

Показали мне и оружие печенегов, отвоёванное в набегах: луки, сабли, дротики, металлические копья. Но вот что стало неожиданностью и для меня, и для воеводы: в последнем набеге кочевники использовали железные крючья, к которым привязали верёвку, на равных расстояниях разделённую узлами. По такой можно подняться и на стену. Теперь стало понятно, как прорвали оборону степняки и смогли в таком количестве проникнуть в город. Каждый метр стены не защитить. Вызнали кочевники, где слабые места крепости. Руками такие крючья не закинуть, по всей видимости, использовали луки. Только как гридни проглядели их уловки?

Вернувшись в детинец, воевода позвал одного из служивых. Скоро во двор вышел высокий воин, курчавый, синеглазый с курносом носом.

– Скажи мне, – повернулся к нему Могута, – как не углядели, что лезут на стену печенеги?

– Не гневайся, батюшка-воевода, да только не было раньше такой напасти, пока отгоняли врага от ворот Вежи, пробрались степняки со стороны Снов-реки, там, где делит стена город пополам. Никогда раньше не совались туда степняки, оплошали мы, не заметили.

– Да, – Могута запустил пятерню в волосы, – сам я тоже хорош. Дружину увёл к воротам, в детинце только ближних гридней и оставил. Видишь, Настенька, не могут наскоком нас печенеги взять, выдумывают хитрости. Ко всему надо быть готовыми.

Я стояла, покусывая сорванную сухую травинку, думая, как поступить дальше. Наши сборища реконструкторов не прошли даром, я хорошо помнила рассказы об обороне городов и укреплении стен. Пришла пора применить знания на практике.

– Скажи, дядька, – кликнула Могуту, – почему так мало людей было на стенах?

– Что ты, Настенька, так князь же на охоту с дружиной уехал, разве не помнишь?

Вот ведь оплошность. Таких деталей я и в самом деле не знала.

– Позабылось мне, всё как в тумане до сих пор, – надеюсь, Могута поверит такому откровенному вранью. А что делать?

Воевода внимательно поглядел в мои честные глаза и чуть слышно вздохнул:

– Твоя правда, сам до сих пор хожу как в воду опущенный, где уж тут девице всё упоминать.

Сдаётся мне, не поверил Могута ни одному моему слову. Только делать нечего, слово, как говорится, не воробей. Впредь надо быть осторожней.

Я поднялась в свою светлицу, кликнула Алёнку.

– Принеси мне всё для письма, – девчонка кивнула и убежала прочь. Минут через пять принесла она деревянную дощечку покрытую воском и большой лист, светлый и тонкий, но явно небумажный.

– Вот, княжна, ваша цера (*прим. автора – дощечка для письма, покрытая воском*) и кожа (*прим. автора – листы из телячьей кожи, выделанной особым способом*). Сложила всё на стол, туда же отправились гусиные перья и чернильница.

Я с любопытством разглядывала письменные принадлежности. И как же всем этим пользоваться?

К цере прилагалось писало – деревянная палочка с заострённым концом. Дощечка была покрыта толстым слоем воска, так что рисунок просто выцарапывался на нём. Не став тратить на свои художественные потуги кожу, взяла церу и принялась наносить план крепости, пока ещё свежа память.

Позже вместе с Могутой подумаем, как укрепить городские стены, не ровён час будет ещё набег и тогда всем нам придётся очень туго.

Глава 8

А ночью завьюжило. Мороз давно подкрадывался на мягких лапах в полночи, одевая лужи первым хрустким ледком, расписывая окна узорами, но зима до этого дня не спешила вступать в свои права, напоминая о себе лишь ночными заморозками.

В эту ночь начался снегопад, поутру город оделся в новую белую шубку. Намело так, что нижний этаж княжеского терема скрылся в сугробах.

Алёнка принесла мне платье. Я, пока одевалась, смотрела из окна, как расчищают слуги двор от белых завалов, звонко смеясь, играют девушки с гриднями в снежки.

– Позови мне Могуту, – обернулась к чернавке.

– Так вас к трапезе ожидают, – растерялась девушка.

– Ничего, это важнее. Скажи, пусть на крыльце меня ждёт, я сама спущусь к нему.

Алёнка стремглав убежала. Я, накинув на себя длинную шубу, отправилась вслед за ней. Люди, веселившиеся во дворе, увидев меня, притихли. А мне так хотелось самой побегать, кидая снежками в озорных девушек и дружинников, плюхнуться в мягкий, словно перина, сугроб, прокатиться на санках с горки. Эх!

Прервав мои мечтания, подошёл Могута в одной телогрейке поверх рубахи.

– Давай с тобой, дядька, прогуляемся до ворот, – после приветствия огорошила я воеводу. Тот удивлённо глянул, но перечить не стал.

– Погоди, княжна, велю сани запрячь.

– Не нужно, пройдемся пешком, дорогой поговорить с тобой хочу, да не бери никого с собой в попутчики, не нужны нам сейчас чужие уши.

Могута насторожился, нахмурился, но потом кивнул:

– Как скажешь, Настасья, погоди только кожух (*прим. автора – зимняя верхняя одежда*) надену.

Много ли надо бывалому воину на сборы? Уже через пару минут воевода появился на пороге дружинной избы. На нём был тулуп, который здесь звали кожухом, длиною до колен, сшитый из шкур, мехом вовнутрь, подвязанный широким поясом – кушаком. Голову согревала шапка, также на меху.

Выйдя со двора, мы неспешно шли по дороге к главным воротам. Путь уже был расчищен, народ здесь просыпался с первыми лучами солнца, зимний день короток, а работы много.

– Скажи мне, дядька, где сейчас живут погорельцы, чьи избы спалили дотла? – мне хотелось позаботиться о людях, тяжело пережить суровую зиму простым крестьянам.

– Знамо где, у родни, до весны, пока сами отстроить свой дом не смогут.

– А есть ли у нас лес для постройки?

– Как же не быть, Настасья. Что ты задумала? – воевода пристально посмотрел мне в глаза.

– Сейчас избы поднять можно?

Могута задумался, помедлив с ответом:

– Можно курные избы срубить, да только семье это не всегда под силу, да и земля сейчас уже мёрзлая.

– Распорядись дать погорельцам дерева и пусть дружинники твои помогут, сам назначь, кого считаешь нужным. Не дело людям по чужим углам мыкаться.

– Воля твоя, княжна, – богатырь недоверчиво смотрел на меня, словно ожидая подвоха. Сразу за несколько изб не беритесь, пусть лучше всей ватагой одну потом другую поднимут и так сколько понадобится.

Воевода молча кивнул, явно прикидывая в уме, кого можно отрядить для постройки. День воинов тоже расписан по минутам, не только дозор, но и ежедневные тренировки, забота

об оружии и дружинной избе. Слуг у них не было, гридни вели хозяйство сами: готовили, чинили одежду и кольчуги, топили печи. Моё поручение удивило Могуту и он не стал скрывать своих эмоций: князья заботились о народе и нередко помогали отстроить разрушенные после набегов дома, но лишь выделяя лес, чтобы поднять избу, а семья уже справлялась дальше своими силами.

Показались городские ворота, на заборках тут и там виднелись дозорные, дежурила охрана у въезда.

Выйдя за город, я внимательно оглядела всё кругом. Первый земляной вал, за ним второй, на котором и соорудили стены. От времени почва осела и утрамбовалась, получилась эдакая небольшая площадка перед деревянным укреплением, с неё-то, вероятнее всего, и были запущены стрелы с крючьями, полёт утяжелённой верёвкой стрелы не может быть долгим.

– Скажи, дядька, как скоро нам ожидать набега степняков? Удержат ли их сугробы?

Могута почесал голову, оглядев поля.

– Удержит, как не удержать. Куда тут на коне проехать, если снега, почитай, по грудь добром у скакуну.

– Как долго можем мы не опасаться нападения?

Воевода на мгновение задумался.

– Не любят печенеги воевать зимой, да только Илдей не просто так под Вежей сколько лет сидит, а значит, и весны дожидаться не будет. Скоро начнётся бескормица, лошадям не отыскать себе пропитания под снегом, пойдут степняки по окрестным деревням, зерно и сено для коней добывать. Не обойдут и Вежу. Почитай, треть дружины перебита в последнем бою, хан это тоже знает. Решит, что сейчас, когда помощи от Чернигова ждать ещё долго, момент подходящий, чтобы захватить город. Хитрить стали ордынцы, что ещё придумают, только богам известно, да кто им подсказывает, крючья не сами они сладили, советник появился у Илдея, не иначе.

– Вот как, значит, и мы поспешим. Созывай народ, станем укреплять стены. Да не медли, пусть сегодня же приступают.

– Что ты задумала, Настасьюшка?

– А вот что: сгребайте весь снег от первого вала к стенам, делайте горки, такие покатые, чтобы человеку на них невозможно было подняться. Везите воду из реки, заливайте вокруг всей крепости. На вале вбейте колья, скажи мастеровым, пусть побольше наделают. Потом там тоже всё водой зальёте. Не будем медлить, возвращаемся в палаты, кликни, дядька, люд, пусть весь город выходит.

Мы повернули обратно, Могута подозвал какого-то боярина, который ехал по своим делам на санях, он нас вмиг домчал до терема. Ушёл воевода отдавать распоряжения.

Я тоже не собиралась сидеть сложа руки. Переодевшись в мужское и подвязавшись понёвой, велела подать мне душегрейку (*прим. автора – короткая шубка*), в долгополой тяжёлой одежде много не набегает.

Народ уже стал собираться под стенами города, когда на санях приехали мы с воеводой. Пришли и все свободные от караула дружинники. Могута, бросая короткие приказы, прошёлся промеж людей, и работа закипела.

Таскали снег, везли воду из Снов-реки, на помощь вышли даже дети, каждый понимал, что если захватят город печенеги, никому не поздоровится.

К вечеру на втором вале соорудили высокую снежную гору, окаймлявшую город, поливали её водой и снова засыпали снегом. Перед стенами залили настоящий каток, валы не давали воде растечься, на морозе она быстро замерзала, закрывая все подходы к городу.

Справились и мастеровые, сами вызвавшись вбивать колья в мёрзлую землю. Скоро вал ошетинился, заграждая путь врагам. Пока оградили только перед главными воротами, масте-

ровые обещали в ближайшее время вбить колья вокруг всей Вежи. Обнесённые участки заливали водой, если и удастся подняться коннику, то тут его будет поджидать ледяная ловушка.

Стены также обработали снаружи, наледь не позволит крючьям зацепиться. Дело это было нелёгким, следовало так пролить только внешнюю стену, чтобы вода не попала на забора и не стала помехой гридням. Дружинники никому не доверили это дело, сами занявшись укреплением.

Я вместе со всеми таскала снег и воду в деревянных вёдрах, рядом плечом к плечу, трудился и Могута. Он с ободрением то и дело поглядывал на меня.

Когда высыпали на небосклоне первые звёзды, работы были отложены до утра. Возбравшись в сани, мы поспешили в терем, голод давал о себе знать.

В течение дня добрые хозяйюшки приносили нам пироги и блины, прибежали и санные девки с едой для работников, вот только рассиживаться было недосуг, и, перехватив по пирогу, так и трудились, жуя на ходу.

Когда я, попрощавшись с Могутой, ввалилась в терем, разохались мамки, выбежала Дана.

– Да где же это видано, – всплеснула она руками, – чтобы княжна весь день по морозу зайцем скакала! Неженское это дело. Вам себя беречь надо, телом вы слабы...

– Если город печенегі займут, у нас никаких дел не останется. А тело, как и дух, закалять надобно! – отмахнулась я от старушки.

Не слушая дальнейших причитаний, поднялась к себе, Алёнка помогла стянуть задубевшую на холоде одежду, растёрла ноги, принесла мне еды и горячего питья. Идти к ужину уже не было сил.

Теперь главное, чтобы не было оттепели, а там Мороз-воевода сделает своё дело. Кто его знает, какие здесь зимы? Но даже если не столь суровые, раскисшая от воды земля тоже доставит уйму неприятностей налетчикам.

Глава 9

Интерлюдия

Ставка хана Илдея

В юрте хана собрались байрак баши, приближённые Илдея. Отведав угощения, они ждали, что прикажет им повелитель. Зима – тяжёлое для кочевников время, переживали её степняки, не смея ходить в набеги на отощавших в бескормицу лошадях.

Илдей обвёл восседавших довольным взглядом:

– Воины мои, вы опасаетесь, что наши кони не смогут нести своих наездников? Знаю я. И помню великий мор три зимы назад, когда потеряли мы наших людей и скот. Только этой зимой не следует нам больше опасаться морозов. Довольно мы захватили богатств, купил я в Тумен-Тархане сена и зерна для скота, голод не грозит нашим стадам этой зимой. Мы не будем ждать, когда подоспеет подмога от Гостомысла. Не осталось никого из княжеского рода, значит, город без защитника. Один только проклятый Могута и есть. Не сможет он нам помешать, стар воевода. Дождёмся, когда пройдут снегопады и прогоним наши стада по снегу, чтобы расчистили они проходы к Веже.

За очагом, на восточной стороне юрты сидели жёны хана, среди них была и Милава. Не поднимая глаз, слушала она внимательно каждое слово Илдея. Выучила княгиня речь степняков, но виду не подавала, до сих пор объясняясь знаками. Многие не обращали на неё внимания при разговорах, оно было и сподручней.

Один из приближённых кинул тревожный взгляд в сторону пленницы. Хан, заметив это, усмехнулся:

– Не обращай внимания, – махнул он рукой, – не понимает по-нашему княгиня, а если и поймёт, то пусть знает, что ждёт её город. Скоро приведут наши воины новых рабов и наложниц, не выстоять Веже. Готовьте мечи и стрелы, предстоит тяжёлый поход. Но победа, знаю я, уже в наших руках. Часть войска пройдёт лесом, путь мы уже ведаем, остальные через поля, нападём с двух сторон.

Зашумели байрак баши, славя мудрость своего хана, качали одобрительно головами. Давно мечтал каган взять Вежу, торопил Илдея. Откроет захват города путь войску на черниговскую землю. Богатая добыча ждёт завоевателей. Успеют до появления Гостомысла увести в полон рабов, разграбить деревни и небольшие городки. С княжеской дружиной каган в бой велел не вступать, ни к чему терять своих людей. Можно пожить и мелкими набегами, стоит только убрать один город с пути кочевников. Сжечь дотла, чтобы и воспоминания разлетелось пеплом о Веже, стоявшей на пути ханских воинов.

Настасья

Наутро, только успев позавтракать, увела я воеводу под стены, проверять сделанное и раздать указания работникам, что ещё трудились над укреплениями.

Могута с мальчишеским азартом проверял насыпные склоны, смогут ли по ним взобраться враги. Хорошо утрамбованный и залитый водой наст не давал ни единой возможности приблизиться к стенам, сколько ни старались на него залезть мальчишки. Они устроили целые игрища, похожие на нашего царя горы, с хохотом пытаясь вскарабкаться по обледеневшим, почти отвесным склонам.

Между валами застыл настоящий каток, из-за неровностей почвы, бугрившейся по ногам. То-то несладко придётся степнякам, когда станут разъезжаться копыта коней по таким вот мёрзлым кочкам. Жаль животных, но выбирать не приходилось.

И колья, прочно вбитые в землю, заледеневшие, грозно нацелились на врага.

Воевода одобрительно кивал, раздавая мелкие советы дружинниками и мастерам.

Мой взгляд упал не темнеющий за полем лес. А ведь печенеги прошли по чащам, про это я и позабыла.

– Дядька, – подозвала Могуту окликом.

– Что Настасьюшка, али недовольна работой? – воин, раскрасневшийся, улыбающийся в бороду, глядел ласково и заинтересованно, что ещё удумает княжна-непоседа?

– Всем довольна, всё хорошо вышло. Только вот спросить тебя хотела: заприметил ли ты, как прошли через лес степняки, помнишь по каким тропкам?

– Так, почитай, всю дорогу прознал, как мы с тобой от старой Жели шли.

– Говоришь, раньше никогда не ходили печенеги по лесу?

– Никогда, Настенька, не любят они чащ дремучих, оно и понятно, на коне куда сподручней по полям скакать, а не по бурелому.

– Тогда и новой тропой не пойдут, по проторённому пути двинутся, так? – я ожидала ответа воеводы, а в голове уже созрел план, как перекрыть доступ из леса.

– И то правда, лес зимой и для своих опасен, куда уж чужакам новые тропы искать.

– А значит, мы поступим так, веди с собой мужиков, берите топоры, подрубайте деревья на пути степняков, валите их друг на друга, чтобы ни перелезть, ни пройти нельзя было.

Воевода задумчиво смотрел на меня:

– Не по годам мудра ты княжна, видать, в батюшку умом пошла, хитёр был Братислав, на задумки мастер. Давно он предлагал засеки (*прим. автора – оборонительное сооружение из деревьев, поваленных рядами или крест-накрест вершинами в сторону противника*) в лесу нагородить, да не чаяли мы, что отважатся степняки по чащам идти. Дело хорошее, сейчас и начнём, пока солнце высоко, а ты ступай в терем, надо ли тебе в лесу мёрзнуть.

Я послушалась, сев в сани, отправилась в княжий терем. Могута справится сам, убедилась уже и в расторопности, и в сноровке старого воина.

Так значит, это называется «засеки», надо запомнить, каждый день мой словарный запас пополнялся всё новыми понятиями, но до свободной речи мне ещё далеко, иной раз с Алёнкой приходилось объясняться долго и путано. Хорошо ещё, что девчонка не обращала внимания на мои странности и с другими служанками обо мне не судачила. Я оставила её одну прислуживать мне, так было спокойнее.

– Вели мне подготовить большую церу, – огорошила я Алёнку с порога. Надо было нанести план укреплений, бегать каждый день вокруг города никаких ног не хватит. После показать Могуте, бывалый вояка поможет советом, если я прогляжу что-нибудь.

– Хорошо, княжна, – взор девчонки стал хитрым, блеснула она лукаво своими вишенками из-под рыжих ресниц, – а только ругается Дана, что ты, ровно девка сенная, бегаешь с дружиной на стены, а давно пора к посадению готовиться, наряды шить.

– Вот как, – я и забыла про это, а зря, не стоит давать лишнего повода для обсуждений, – присядь-ка, – указала Алёнке на лавку подле себя, – сказывай, что там ещё говорят, да не таи ничего.

– Знамо что, на Коляду посадение будет. Да только времени мало, оттого и ругается Дана, что, дескать, с неё потом спрос будет, почему княжну не обрядила как следует.

Дана была бывшей кормилицей моего отца, потом, когда Братислав подрос, стала ключница, что-то вроде экономки. В её ведении была вся жизнь княжеских палат: от уборки до приготовлений к праздникам. Она несколько дней уже пыталась со мной поговорить, но я только отмахивалась, занявшись укреплениями. Надо бы разыскать её, не стоит настраивать против себя ту, кто ведает всей жизнью княжеской семьи. Подарок, что ли ей сделать? Да вот вопрос, а какой сейчас месяц и когда наступит тот самый праздник?

– Скажи мне, когда, говоришь, Коляда будет?

Алёнка изумлённо взглянула на меня:

– А и то верно, что ты княжна, совсем про всё забыла! Так ведь сразу после Карачуна.

Такая подсказка ничего не дала, что за Карачун? Как бы узнать вообще какой месяц, а там уж слуги подскажут или в разговорах подслушаю, когда ждать моего посажения.

– А вот ты Алёнка, наверное, и не знаешь, какой месяц на дворе, а мне толкуешь, что скоро уже праздники? – я решила схитрить с девчонкой.

– Как так не знаю, меня всему матушка научила, – надула губы чернавка, – вот сейчас студень, первый месяц зимы, за ним идут просинец и лютень, весна начнётся с березозола, а там цветень и травень, дальше лето наступит: червень, липень, серпень, а там и осень: вересень, листопад и грудень. Вот. Всё я знаю, – гордо расправила узкие плечи Алёнка. А я повторяла про себя названия, в надежде запомнить хоть часть.

– Ну вот, а день какой сейчас, знаешь? – я продолжала подначивать помощницу, так она и меня не заподозрит, и сама всё расскажет.

– А то, – купилась на мою уловку девчонка, – сегодня вторник, завтра тритейник, потом четверик, пятница, шестица, седмица, и заново понедельник.

Ну хоть здесь проще, вздохнула я про себя

– Ладно, вижу, что ты смышлёная не по годам, а теперь зови мне Дану.

Алёнка радостно заулыбалась и убежала на поиски ключницы.

Та нашлась быстро, пришла ко мне в светлицу вместе с любопытной чернавкой, с ходу завалив расспросами:

– Ох, княжна, и ничего не готово. Ткани на платье не выбраны, коруну (*прим. автора – праздничный девичий головной убор*) надо подобрать, и обручи (*прим. автора – браслеты*), ожерелья, кольца, сапожки новые, душегрею нарядную.

От обилия незнакомых слов закружилась голова, я и половины названий не понимала, а делать что-то надо. Придав себе вид поостроже, подозвала ключницу ближе к себе.

– Вот что, Дана, выбери всё сама, ты давно ведёшь хозяйство князя, тебе ли не знать, что подобрать для праздника. Не ровён час, нападут печенег, до нарядов ли нам тогда будет? Вот и стараемся мы с Могутой город от степняков защитить.

Дана пожевала губами, что-то пробормотала под нос, а потом кивнула:

– И то верно, княжна, заморочила я тебя платьем да уборами, а на твоих плечах сейчас куда тяжелей ноша. Я всё приготовлю, девушки начнут шить, к Коляде поспеют, а ты о Веже заботься, так оно верней.

Долго не задерживаясь, ключница ушла по делам, а я облегчённо вздохнула. Этот вопрос решён. Мне вообще всё равно, в чём поведут меня на мероприятие, главное, что не голой.

– Алёнка, – вновь принялась за расспросы, – а как посажение проходит, а то я что-то запамятовала?

Чернавка залилась смехом:

– Откуда же помнить, княжна, тебя тогда и на свете не было, разве что маменька твоя, Милава Радимировна сказывала.

– Вот именно, – ухватила я за мысль, – да только давно это было, позабылось всё.

– Так-то дело понятное: чуром поклонись, да в город к народу выйдешь, посадят тебя на площади в кресло княжеское, а потом праздник, – Алёнка мечтательно закатила глаза, – дня на три, угощения всяческие, скоморохи, песни да пляски. Веселье будет, ух!

Вот уж, кому веселье, а кому и нервотрёпка. Про богов славянских худо-бедно я знала, а как им кланяться, понятия не имела. Княгиня не знающая молитв и обрядов вызовет кри-вотолки и пересуды. Надо бы потолковать с волхвом каким-нибудь, да только как? Напрямую не скажешь и обвиняками не выспросишь. Даже если какие записи и есть, читать я на древне-русском не умею. Ещё бы знать, какая тут письменность? Влад учил меня древнеславянской азбуке, да только дальше названий первых букв дело не пошло. Мне было скучно сидеть точно первоклашка за изучением алфавита, и мой приятель сдался, махнув на обучение рукой.

Проблемы медленно, но верно собирались в большой снежный ком, который, ещё чуть-чуть и подомнёт меня под собой. Горестно вздохнув, не нашла ничего лучше, чем лечь спать. Утро вечера мудренее.

Интерлюдия

Могута Мстиславович

Опять который день, не спалось Могуте. Воевода так же просиживал в трапезной дружинной избы. Не давала ему покоя княжна. Вроде и Настя, вон и глаза серые, как у батюшки, коса цвета спелой пшеницы, на солнце переливается точно шёлк, губы алые, пухлые, как у Милавы, ямочки зазорные на щеках. А послушаешь, так и не Настя вовсе. Слова иногда связать не может, названий простых не знает, точно чужеземка, и изъясняется чудно! Кого-то они посадят на княжение в Веже?

Вспоминал воевода и руны, что начертаны были в землянке. Что задумала старая ведьма, на какую судьбу их обрекла?

Не просто так попали они в ту ночь к Желе, всё чаще эта мысль не давала покоя. А в ответе за всё он – Могута. Ему и расплачиваться, ежели что случится. Да и не ему одному, всей Веже...

Воевода склонил голову на руки, вспоминая старые сказания, которые поведали странствующие волхвы, иногда бывающие в их городе. Что-то смутно вспоминалось, но мысль терялась в давности времён.

А ежели к нашему волхву обратиться? Лепша не поймёт его думы, может, и народ против княжны настроить, ежели усомнится в Настасье. Нет. Не скажет Могута ничего.

Хотя не он один замечает странности княжны. Вот и Дана жаловалась, что Настя совсем переменялась, больше не зовёт девушек вечера за прядением да вышиванием коротать. Сидит с Алёнкой одной, никого более к себе не подпускает. Трапезничает тоже большей частью у себя в светлице. Прикрикнул тогда на ключницу воевода, что княжна родителей и братьев в один день лишилась, а каждый справляется с горем по-своему. Поверила ему Дана, но Могута не верил сам себе.

Прошедшие дни не принесли облегчения: раньше бы Настасья мысль свою высказала, да и воеводе дело поручила.

А сейчас? Вспомнил воин, как наравне с мужиками таскала княжна воду и гребла снег. Руки в кровь сбила, но ни словом не обмолвилась. Тихая прежде, теперь отдавала приказы звонким голоском, да так споро, что и батюшке впору позавидовать!

Ох и тяжела ноша! Дадут боги, всё наладится, а только Настенькиной гибели Могута не желал, берёт он её сызмальства, сохранит и сейчас...

Глава 10

Интерлюдия

Тихой, беззвёздной ночью неспешно шагала армия Илдея на приступ. Неслышно было голосов, ржания коней – снег приглушал стук копыт. Словно тень, растворившаяся в ночной мгле, беззвучно и неумолимо надвигалась волна захватчиков, готовая смести непокорный город с лица земли. Хан велел не пускать лошадей в галоп, чтобы не прознали раньше времени русичи о приближении врага. Он знал, скоро дозорные увидят чёрные кляксы его воинства, растёкшиеся на белом насте. Но тогда станет уже поздно, в ход пойдут железные крючья с верёвками, по которым заберутся воины в город, сожгут всё дотла, и уведут в полон жителей. Илдей сам возглавил этот набег, хотел посмотреть, как будет погибать Вежа, пройти по пепелищу, что станет могильным курганом для дружинников и ненавистного Могуты. В предвкушении он нервно облизнул губы и зловеще усмехнулся – мысленно празднуя скорую победу. Потерев руки в предвкушении и, едва удерживая горячего коня, подумал:

«Потерпи, скакун, ещё немного и сорвёмся в галоп, вторгнемся в город, так же неумолимо, как смерть».

Второй отряд сейчас пробирался по лесу, хан не намеревался сразу нападать на город с двух сторон. Отдал воинам приказ жечь посад, что стоял у реки за городскими стенами. Огонь в незащищённых жилищах заставит дружинников принять бой и выйти из города. Там и застанет их Илдей врасплох, перебьёт защитников крепости, и путь к детинцу будет открыт.

Хан гордился своей задумкой, степняки не нападали на города зимой, предпочитая откладывать набеги до весны, когда коням в степи вволю корма. Не ждут его русичи, спит старая Вежа, укрытая снегами, видит свои последние сны. То-то удивится каган, когда придёт к нему радостная весть, что сдалась неприступная Вежа. Ему! Илдею! Хан тихонько рассмеялся в предвкушении.

Вскорости проступили очертания городских стен, загорелся на надвратной башне сигнальный костёр – заметили русичи, зовут своих воинов, предупреждают посадских, что близок враг. Только теперь не схорониться вам за высокими стенами! Мы уже близко...

Могута Мстиславович

Далеко за полночь, когда мир отдыхает в объятиях сна, поднялась тревога. Повскакивали дружинники, много ли солдату надо, чтобы подготовиться к бою? Один глаз спит, другой бдит, такова служба. Высыпали во двор, ожидая приказов воеводы. Могута был уже здесь. Опасался он, что как в прошлый раз полезут на стены степняки с разных сторон, отправлял он воинов на заборолу во все концы Вежи. Малочисленное войско, многих недосчитались после последнего боя, а выстоять надо. Конюшие выводили осёдланных лошадей, промедление смерти подобно!

Могута подошёл к своему скакуну, что не раз спасал его из кровавой сечи. Умное животное само добралось до дома, когда хозяин оставил его подле избушки знахарки непривязанным. Конь бил копытом землю, закусывая удила, раздувались ноздри – чувствовал скорую битву!

На крыльцо вылетела Настасья, в мужских портах и короткой душегрейке.

– Стой, Могута! Я с тобой! – княжна подскочила к разгорячённому коню, без страха подхватила за узду.

– Куда, малахольная! – воевода оттащил девочку: – В терем! Схоронись в палатах, или в погреб спускайся. Не время для забав!

Сталью сверкнули княжеские очи, отдернула она руку от Могуты.

– Не возмёшь сам, пешком пойду! – глаза Настасьи сузились от гнева, сказано было тихо, да только такая ярость слышалась в словах, что понял воевода – не отступит.

– Связать велю! – прорычал в ответ. – Сейчас гридней кликну.

– Только попробуй! Казнить велю! Своим смердам приказывать будешь! – Настя ярилась, словно пламя, того и гляди испепелит взглядом. Голос звонко разнёсся по двору, оглядывались недоумённо дружинники.

Вот она кровь княжеская, пигалица совсем, а такой блеск в глазах, что и звёзды затмит, сила в голосе, словно батюшка покойный приказы отдаёт. Такая и дружину за собой повести сможет!

Сдвинулись брови воеводы, заходили желваки, сжались пудовые кулачищи. Он развернулся к дружинной избе и через мгновение уже появился на пороге, неся в руках шлем и кольчугу. Ну, будет тебе, девка, наука, побегай в тяжёлой броне! Да и опасался шальной стрелы, что за воевода он будет, коли весь род княжеский схоронит?

Махнул старый воин рукой, усадил Настасью на коня, забрался следом и пустил скакуна в галоп к главным воротам, куда уже подбирался враг.

Вовремя подоспели они, поднявшись на башню, укрытую от неприятельских стрел, смотрели, как пускают степняки коней во весь опор, кричат, размахивая кривыми саблями.

Вот уже накатывается волна на первый вал, не видно кольев, укрыты они глубоким снегом. Словно разъярённый прибой, набирает бег степняцкий рой.

Ночной воздух прорезали первые крики упавших, раздался визг раненых лошадей, лавина, нахлынув, застопорилась, переросла в свалку, мешанину человеческих и конских тел, откатилась волна ордынцев. Кричали приказы байрак-баши, выбирались из-за кольев те, кому посчастливилось остаться в живых.

Снова на приступ двинулся неприятель, осторожно, по метру преодолевая опасное место, не всем повезло, тут и там раздавались стоны, но, не обращая внимания на раненых, двигалось войско вперёд.

Пройден вал, открыт путь к городским стенам, возликовали ордынцы, и снова пустили коней в галоп. Да только лёд, коварно притаившийся под снежным покрывалом, не подпустил воинов к стенам. Ржали лошади, падая и ломая ноги, кричали подмятые ими всадники. Снова и снова гневно окликали оставшихся в живых байрак-баши, пытались навести хоть какой-то порядок в возникшем хаосе. Спешившись, степняки наперевес с тяжёлыми луками, двинулись к стенам.

Дружинники на стенах молчали, ожидая приказов воеводы, и внимательно глядели, как рассыпается на части вражье войско, как на земле багряными пятнами растекается кровь. Стрелы жаждут найти свою цель, да только молчит Могута, а значит, и воинам придётся замереть в терпеливом ожидании.

Стоит княжна рядом, тонкая, словно тростинка, а взгляд тяжёлый, не сводит очей с неприятеля, закусывает губы.

– Не вели, дядька стрелять, проверим, как стены наши выдержат.

– Надо ли дожидаться, когда враг вплотную к нам подберётся, Настя?! – воевода сорвался на крик, но тут же взял себя в руки. И покорился воле княжны.

– Доверься мне, Могута, – тихо сказала Настасья, не сводя глаз с кучки воинов, оставшихся за валом. Там на своём скакуне ждёт Илдей, затаившись, словно дикий зверь в засаде.

Глава 11

Интерлюдия

Могута Мстиславович

Пешими удалось пробраться степнякам к стенам, только как одолеть ледяную гору, что опоясала город? Кидались на неё ордынцы, наскоком пытались взобраться, да всё без толку. Пустили стрелы с привязанными к ним крючьями, но недалёк полёт тяжёлой стрелы, скатываются крючья по корке наледи, что одела всё вокруг в воинский доспех. Снова и снова бросаются, точно цепные псы, налётчики. Не замечая, как на стенах, глядя на их жалкие потуги, зажигаются усмешки на суровых лицах дружинников.

В стылом воздухе раздаются громкие кличи – велит хан поворачивать назад. Отступают озлобленные ордынцы, так и не приблизившись к заветной цели.

Несётся им вслед смех русичей, что одержали победу, не истратив ни единой стрелы, не сделав ни одного взмаха мечом.

Как побитая собака убегает, поджав хвост, оскалившись от ярости, поворачивает своё войско назад разгневанный неудачей хан.

– Окликни их вождя, – Могуту дёргает за рукав княжна, что ещё задумала, неугомонная?

– Илдей! – далеко разносится голос воеводы, замер вражеский предводитель на своём скакуне, нехотя повернул голову.

Княжна подошла ближе к Могуते:

– Скажи, что мы их сегодня победили не пошевелив и пальцем. Пусть и впредь опасаются приближаться к Веже, если не хотят, точно слепые немощные котята, погибнуть под стенами города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.